

ЛЕНА
ЛОРЕН

ТАЙНАЯ
СЕМЬЯ БОССА

Лена Лорен

Тайная семья босса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785401
0101*

Аннотация

Я работаю на мужчину, который однажды бросил меня беременную, перечислив лишь деньги на аборт. Он предпочел карьере, а я запретила себе раскрывать папаше-беглецу свой маленький секрет. Мой босс не догадывается о том, что у него есть дочь.

На протяжении четырех лет он всячески избегал меня или же делал вид, будто мы незнакомы.

Но однажды Влад предложил мне то, от чего я не смогла отказаться.

И как итог:

– Так Алиса моя дочь?

Содержание

1. Первая встреча	4
2. День – дребедень	20
3. Допрос с пристрастием, или Сообщение длиною в шесть лет	34
4. Просьба	42
5. Папайя!	53
6. Подготовка перед притворством	62
7. Опробовать на практике	78
8. Среди ночи...	91
9. Оглушающий "поцелуй"	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Тайная семья босса

Автор: Лена Лорен

1. Первая встреча

– Мам, я хочу пить. Мне жарко, – канючит Алиса, едва поспевая за мной.

– Потерпи пять минут. В офисе столько воды – упиться можно, – говорю я, запыхавшись.

А сама мысленно так же мечтаю о глотке чего-нибудь... мокрого и желательного с градусом.

Взвалив на плечо баул с нашими вещами, я еще как-то умудряюсь нести два пакета и держать дочку за руку.

Все потому что ушлый водитель такси решил объехать пробку, а мне теперь приходится надрываться, пыхтеть и потеть, чтобы добраться до работы вовремя.

Автосалон находится не так далеко от остановки, где нас высадили, но тащиться с таким увесистым багажом все же мало приятного.

И это еще полбеды.

Дело в том, что мы с дочкой теперь официально бездомные.

Сегодня нас выселили.

Женщина, у которой на протяжении года я снимала квар-

тиру, заявила к нам с утра пораньше и попросила съехать, так как нашелся покупатель.

Вчера она меня предупреждала о возможном переезде, но я не думала, что это будет уже сегодня.

Припираться было бессмысленно. Я загрузила в сумки все самое необходимое, а за остальными вещами приеду уже тогда, когда найду новую квартиру.

Как же не вовремя это все свалилось на меня. Только бы бывший муж не разузнал о нашем бедственном положении. Его помощь нам даром не нужна.

– Ну вот же магазин, – взмахом ручки Алиса указывает на вывеску супермаркета, располагающегося через дорогу.

– А если я опоздаю на работу? Десять минут всего до открытия осталось.

– Ну и что? – с умным видом произносит, дергая за лямку сумки. – Сегодня тебе можно все. Мам, у тебя ведь день рождения!

Точно. Как я могла забыть?

Да проще простого. Когда наваливаются проблемы, уже не до мыслей о праздниках.

Однако на работу заявляться с пустыми руками в свой день рождения как-то не совсем прилично. Коллектив не поймет.

– Ладно, тогда купим еще праздничный торт! – с энтузиазмом отвечаю дочери, поправляя съехавшую с плеча лямку.

Отстояв огромную очередь в единственную свободную кассу, я расплачиваюсь за два свеженьких торта, бутылку воды, эскимо и упаковку успокоительного.

Алиса довольна как слон. Моя пятилетняя дочурка умудряется на ходу уплетать шоколадное эскимо, пока то не растаяло на палящем солнце, и тащить на себе пакет из магазина.

– Ну вот, опоздали на целых пятнадцать минут, – раздосадовано заключаю я, войдя в тамбур автосалона, где вот уже четыре года работаю на должности помощника директора автосалона.

За исключением генерального я – единственная, кто работает в салоне практически с самого момента его основания.

Горжусь своим постоянством и преданностью компании.

– И что теперь будет? – Алиса хлопает ореховыми глазками, облизывая свои пальцы, по которым стекает пломбир.

Господи, за каких-то пять минут вымазалась с головы до ног.

– Владислав Маркович отчитает меня по полной программе, если соизволит сегодня явиться к самому открытию, – причитаю, мысленно представив себе его надменное выражение лица.

Проходя зону ресепшена в раскоряку, я напарываюсь на изумленные взгляды девчонок-администраторов.

С натянутой улыбкой здороваюсь с ними, а дальше мы с Алисой оббегаем торговый зал и отдел кредитования и шуст-

ро поднимаемся по лестнице на второй этаж, где находится офис.

– А кто такой Владислав Маркович? – интересуется Алиса.

Как бы мне хотелось сказать ей правду: "*Лис, а это твой настоящий папа*", но я тут же отбрасываю эту мысль и отвечаю:

– Он большой и злой начальник. Начальник всех начальников.

– Начальник твоего начальника? – сводит она бровки к переносице, волоча пакет с тортами по ступенькам.

Черт, и почему я не додумалась купить "Графские развалины"?

– Да, Владислав Маркович – генеральный директор. Он тут самый главный. Главнее нашего Альберта Игнатьевича. С ним нужно быть аккуратней.

С облегчением выдыхаю, вспомнив, что мой кабинет сегодня должен пустовать по причине отъезда непосредственного начальника в двухнедельную командировку.

Но тут же прихожу в уныние, когда осознаю, что все это время мне нужно будет отчитываться перед генеральным.

За те четыре года, что проработала здесь, у нас мало было контактов. Всех их без исключения можно смело отнести к деловым, а вот раньше...

Шесть лет назад мы встречались. Тогда он еще не был важной шишкой, но для меня он был всем: жизнью, возду-

хом, мечтой. Он был моим сердцебиением.

Мы любили и не могли представить жизнь друг без друга.

По крайней мере, так думала я на тот момент.

Но однажды мое сердцебиение замедлилось. Мечты рухнули, жизнь остановилась, а воздух больше не приносил насыщения.

Влад бросил меня. Без объяснений исчез неизвестно куда, разбив мое сердце вдребезги.

Тогда я поняла, что это была не любовь. Нашу любовь можно было назвать игрой в одни ворота, ведь оказалось, что из нас двоих любила только я.

В тот злополучный день я сделала тест на беременность. Я была так счастлива и уже в красках представляла себе наше будущее.

Глядя на две полоски, я позвонила ему с признанием, но вместо привычного "я люблю тебя" сначала услышала короткие гудки, а потом прочитала холодное сообщение:

"Юль, извини, но все зашло слишком далеко. Быть с тобой ради ребенка я не хочу. Нам надо расстаться, а от беременности тебе лучше избавиться".

Мое сердце замерло. По сей день оно бьется вхолостую.

Я не осмелилась сказать Владу о том, что планирую сохранить беременность во что бы то ни стало.

Ради ребенка я запретила себе плакать и страдать по нему.

Я родила самую чудесную девочку на всем белом свете и была счастлива. Без него.

А потом я сошлась с Артемом, и еще через полгода устроилась на должность простого администратора в автосалон.

И каково же было мое удивление увидеть в лице моего генерального папашу-беглеца.

В первые дни я пребывала в эмоциональном шоке. Мне было не до откровений с ним. Однако как только эмоции улеглись, я хотела признаться ему об Алисе, но он меня не замечал. Долгие месяцы Влад делал вид, будто мы незнакомы. Вскоре меня повысили до помощника руководителя, но и тогда ничего не изменилось.

Сейчас же наше общение происходит исключительно по рабочим моментам.

Мои чувства к нему давным-давно утратили былую силу. Я остыла к нему. Его имя, взгляд и близость больше не вызывают у меня никаких прежних эмоций. Пустота.

Влад по-прежнему не догадывается, что у него есть дочь. Он никогда не узнает, что в жилах Алисы течет его кровь.

Он недостойн этого. Он сам от нас отказался. Он верит, что те деньги, которые перечислил мне на аборт, пошли строго по назначению.

Наивный...

К тому же у Алисы есть тот, кого она может называть папой, несмотря на то что с ее отчимом мы разошлись год назад.

– Ого, и этот Владислав Маркович ставит вас в угол, когда

кто-то опаздывает? – Алиса всерьез задается вопросом.

Я задумчиво хмыкаю и коротко отвечаю своей любознательной дочери:

– Вообще-то у него другие методы, но можно и так сказать.

Алиса вздыхает и с сочувственным видом гладит меня вымазанной в шоколаде ручкой по белой блузке.

– Не бойся, мам. Я не дам тебя в обиду этому Владиславу Морковичу, – заключает дочурка.

Мы обе прошмыгиваем в пустующий кабинет, напоминающий аквариум. Там я наконец скидываю в кучу все пакеты и сумки, разминаю затекшие пальцы и запястья.

Припрятав все свое добро в углу, я включаю свет, и на всякий случай задвигаю на стеклянной стеночке жалюзи.

Не нужно никому из офиса знать, что я пришла на работу не одна. Особенно Владиславу Марковичу.

Впопыхах я включаю компьютер, разбрасываю по столу документы, изобразив хоть какую-то видимость работы.

– Лисенок, ты же посидишь пока за столом Альберта Игнатьевича?

Дочь довольно кивает, я сажаю ее в огромное кожаное кресло начальника и заправляю выбившиеся пряди волос за ушки.

– Я сейчас спущусь вниз за цветными карандашами, а потом распечатаю из интернета твои любимые раскраски. Только сиди тихо, хорошо?

– Не волнуйся, мам. Я – могила, – говорит она языком своего отчима.

Я шустро спускаюсь на первый этаж.

В автосалон уже наплыли первые клиенты, поэтому все менеджеры по продажам сосредоточились в торговом зале.

Пройдя вдоль рекламной ширмы, я заглядываю в пустующий зал ожидания и сгребаю со стола все цветные карандаши, предназначенные для детишек клиентов. Уместив их в обе руки, я испуганным зайцем сбегаю от глаз наших сотрудников.

Уже у лестницы я вдруг встречаюсь с Лидой, ассистенткой генерального, на которой совсем нет лица.

– Что случилось? – проявляю я внимательность, пряча карандаши за спину.

– Этот цербер сорвался с цепи! Он только что уволил меня, – рычит она в раздражении.

– За что?

– За трехминутное опоздание, представляешь?

Из груди просится нервный хохоток. Если Лиду уволили за три минуты, то что же будет за мои пятнадцать? Босс четвертует меня на центральной площади?

Хоть что, но только не увольнение.

Я поглядываю на смотровую площадку второго этажа, откуда обычно Владислав Маркович бдит за своими подчиненными. Не увидев генерального там, я прочищаю горло от кома.

– Да он просто не с той ноги встал. Побесится часок-другой и поймет, что без тебя ему не справиться. Вот увидишь, ближе к обеду позвонит тебе как миленький и попросит вернуться к своим обязанностям.

– Думаешь? – спрашивает она, ощутимо воспряв духом.

– Конечно! У нас закрытие квартала на носу, а в четверг у него запланирована презентация бренда и кому как ни тебе сопровождать его! – подбадриваю ее, а Лида даже повеселела.

– Ох, Юля, будем надеяться. Не хочется, чтобы эти два года пошли псу под хвост. И да, кстати, с днем рождения!

– Спасибо, – киваю. – Только не вешай нос!

Попрощавшись с Лидой, я поднимаюсь на второй этаж, без задней мысли открываю дверь своего кабинета и тут же застаю в проеме, а тело охватывает волна дрожи.

Владислав Маркович.

Он величественно восседает за моим рабочим столом и не сводит при этом сощуренных глаз с Алисы. С моей дочери, так несправедливо похожей на него...

Сейчас что-то будет.

Только этого мне еще не хватало...

Отдышавшись, я осмеливаюсь прикрыть за собой дверь. Щелчок замка оказался сравним с разрывным громом, но генеральный даже ухом не повел.

Склонив голову набок и нахмутив свои брови, он постукивает пальцем по подбородку и тщательно изучает лицо мо-

ей дочери.

Холодок пробежался вдоль позвонков. Только бы не дошло.

Алиса замерла будто бы. Не двигается, не моргает и даже не дышит. Сжав в ладони шариковую ручку, на папашу своего смотрит. И взгляд у нее такой придирчивый, словно еще немного и она завалит босса обвинениями в бегстве и истыкает его ручкой до полусмерти.

Пока полет моей фантазии не перешел все границы, я напоминаю о себе неестественным покашливанием, прячу карандаши за спиной.

– Девочка немая... – наконец, произносит босс бесстрастно.

И я не разберу: то ли это был вопрос, то ли он сделал умо заключение, основанное непонятно на чем.

– Нет, почему вы так решили? – в непочтительной манере спрашиваю.

Крутанувшись в кресле, Влад переводит на меня орехово-карамельный взгляд.

Если шесть лет назад этот его взгляд мог обездвижить меня, прожечь до самых костей внутренним пламенем, свести с ума и заставить бабочек порхать в моем животе, то сейчас...

Сейчас я тоже вся горю, да и в животе творится нечто странное, но это вовсе не из-за него. Причиной тому служат духота в кабинете и метеоризм.

– Потому что я задал ей вопрос, и ждал логического отве-

та, а никакого ответа не последовало.

– Нет, – мотаю головой. – Я всего лишь наказала ей не разговаривать с незнакомцами. А вы, Владислав Маркович – незнакомец.

– Что ж, логично, – он вскользь поглядывает на циферблат своих наручных часов и снова смотрит на меня исподлобья. – Вы опоздали на шестнадцать минут. Что на сей раз вы придумаете в свое оправдание? Скажете, что у вас сдох еще один хомячок? А, быть может, вас сбила летающая тарелка и вам пришлось отбиваться от нашествия инопланетян? Или же они украли у вас телефон, поэтому вы не смогли написать в корпоративный чат о том, что задержитесь?

Вот же засранец. Глумиться надо мной вздумал при моей дочери.

Можно подумать, я часто задерживаюсь. Это было-то всего пару раз, но причины были вескими. Я никогда не обманывала руководство.

Однажды у нас и впрямь сдох хомячок, и по просьбе Алисы мне пришлось хоронить его по традиционным хомячьим обычаям – на безлюдном пустыре, в гробу из-под "найков" и под песенку "мы хомяки и мы хомячим".

– Все куда проще, Владислав Маркович. Сегодня у меня день рождения. Я забежала в магазин, тортики покупала, – движением подбородка указываю на пакет, лежавший на столе.

Мужчина оглядывается, медленно измеряет взглядом все

мои вещи, разбросанные по разным углам, и в заключении громко хмыкает.

Не к добру.

– А это барахло, так понимаю, ваши подарки? Юлия Андреевна, что вы здесь устроили? Это ведь не складское помещение! – теперь он вздрючивать меня удумал.

"ВЫ"...

Несмотря на то, что нас связывает прошлое, он всегда держит субординацию. Порой мне кажется, что он и вовсе не помнит меня.

А ведь когда-то он называл меня "любимой".

До сих пор в голове не укладывается, почему он не уволил меня в первый же день, узнав, что я теперь буду работать на него? Как ему удавалось закрывать глаза на мое существование и больше никогда не обращаться ко мне на "ты", даже случайно.

У меня то и дело проскальзывало.

Это сейчас он Владислав Маркович, а раньше был для меня просто "Владом".

– Вообще-то это барахло, как вы выразились, – наши вещи, – с оскорбленным видом отвечаю. – Нас сегодня выселили и мы с Алисой переезжаем.

– Что, прям сюда? – округляет он глаза, пальцем обводя периметр кабинета.

– Нет, как вы могли подумать такое? Я пока еще не знаю точно куда, – распинаюсь перед ним не понятно зачем. – Я

только планирую заняться поиском квартиры.

– Это в рабочее время вы планируете заняться поиском?

– Нет! – закипаю я. – Во время обеда. У меня же есть обед, как и у вас.

Владислав Маркович приподнимается из кресла и в рекордный срок сокращает между нами расстояние. До неприличного минимума, что приходится задрать голову.

В нос забирается аромат его древесного парфюма, острый взгляд блуждает по моему лицу, но нигде уже не екает. Ни один мускул не дергается от столь неожиданной близости.

Да и с чего бы вдруг?

Влад шестилетней давности и нынешний Владислав Маркович – два совершенно разных человека. Была-то я влюблена в первого, простого парня, который покорила меня своей добротой и заботой, а вот второго идеального красавца, дамского угодника, с иголочки одетого в дорогие костюмы, я невзлюбила с самых первых дней.

Затем мужчина обращает внимание на небольшую кляксу шоколада на моей блузке. Сузив глаза в щелочки, он заглядывает мне за спину и замечает в руках карандаши, которые уже практически вываливаются сквозь пальцы.

Я как Росомаха выпустила свои когти-карандаши при виде угрозы.

"Так что, босс, имейте в виду. Скажете что-то против – рискуете быть... разукрашенным", – проносится в мыслях.

– Боюсь, сегодня вы останетесь без обеда, – в тоне про-

скальзывает насмешливость. Глядя мне в глаза, он по одному вытаскивает у меня из рук карандаши. – Лидию Александровну я только что уволил. Между прочим, за опоздание. Но вам повезло. Считайте, это моим подарком на день рождения, – натянуто улыбается он, забрав у меня все карандаши до последнего. – С этого часа все ее обязанности будете исполнять вы. Поэтому рекомендую прямо сейчас собрать все необходимое и переехать в мой офис, а это, Юлия Андреевна, – кивает он на карандаши в своих кулаках, – я верну туда, откуда вы их украли.

– Одолжила, – через губу поправляю его, озлобившись.

– Что? – делает он вид, что не расслышал, я отрицательно мотаю головой. – Вы все поняли?

Я киваю, хоть и не согласна со своей участью. Но моего согласия ведь никто не спрашивал.

Уже рассчитываю на то, что генеральный оставит меня в покое, как вдруг Алиса подбегает ко мне и встает между нами.

– В этом вашем офисе вы собираетесь поставить мою маму в угол? – спрашивает она, вздернув голову на моего начальника.

Генеральный оторопел от поставленного вопроса.

Впервые в жизни вижу в его глазах абсолютную растерянность.

– Это ваша дочь? – спрашивает он.

"Нет, блин, сын!"

– Простите, – подавляя улыбку, я привлекаю дочурку к себе. – Это она так шутит. Не принимайте на себя.

Просто моя дочурка шутница. Есть в кого. Только вот ее шутки зачастую заставляют улыбнуться, а чьи-то (не будем показывать пальцем) вызывают лишь нервный тик.

– Нет, не шучу! – не унимается Алиса, ножкой топает. – Мама сказала, что вы злой начальник! Вы ставите своих работников в угол, а свою маму я пообещала не давать в обиду.

Я сглатываю, ощущая как щеки и уши схватило огнем, а Влад смотрит на меня с немым вопросом, рот свой бесконтрольно разевает.

С одной стороны, мне жутко стыдно перед большим начальником, а с другой – увидеть его, застигнутым врасплох – то еще удовольствие.

– Алиса, так нельзя, – нарочито строго проговариваю, а сама мысленно отбиваю "пять" своей дочери.

"Эта малявка не только своих кукол держит в строгости. Она кого угодно по струнке заставит ходить".

Мужчина прочищает горло, поправляет галстук.

– Жду вас в своем офисе через десять минут, – заявляет он сурово и бескомпромиссно.

Владислав Маркович убегает прочь, оставляя после себя шлейф своего одеколона.

– Ну, как мы его? – Алиса треплет меня за штанину.

– Это было весело, Лис, – целую ее в кончик носа, – но

пообещай, что больше ничего подобного не скажешь Владиславу Марковичу. Мне же еще работать с ним.

– Не нравится он мне, мам. Он нехороший, но я знаю как из нехорошего сделать хорошее, – серьезно говорит она. – Вот увидишь, он изменится.

– Ох, что-то я сомневаюсь.

– А ты не сомневайся! Ты только почаще меня на работу бери.

Эх, Лиска, знала бы ты с кем связываешься.

2. День – дребедень

Пять минут мне требуется на то, чтобы перенести вещи из своего кабинета в приемную офиса Владимира Марковича, где пустоует рабочее место, еще с утра принадлежавшее ассистентке Лидочке. Еще четыре минуты уходит на то, чтобы прибраться на столе и найти подходящее место для Алисы. Оставшуюся минуту я созерцаю, попутно отправляя своей подружке сигнал бедствия.

Мы с Настей всегда выручали друг друга, когда кто-то из нас попадал в паршивую ситуацию. А а я как раз попала в ситуацию паршивей некуда.

– Мам, а где тут углы? Почему их здесь нет? – дочь приходит в удивление, осматриваясь по сторонам.

– Потому что офис Владислава Марковича круглый. Такая вот планировка. Что, не ожидала? – негромко хихикаю, протирая салфеткой поверхность стола и трубку цифрового рабочего телефона.

Устроившись в кресле, я ввожу на компьютере пароль, вхожу в свою учетку, а затем мысленно готовлю себя к бесконечному трепу по телефону и распоряжениям вышестоящего руководства.

– Наверное, сложно поставить человека в угол в месте, где нет углов, – в итоге выносит дочурка вердикт, облюбовав все помещение.

Шутки шутками, но если на то пошло, Владислав Маркович умудрится найти угол даже в открытом космосе.

Спустя пару рабочих звонков, я замечаю, что Алиса совсем прям помирает со скуки.

Сидит в уголочке, подперев щеку кулачком, на куклу опостылевши смотрит и вздыхает тяжело, что больно слышать.

А я ее предупреждала, что кроме рисования, тут заняться особо нечем, но вредный генеральный лишил ее и этого занятия.

Недолго думая, я достаю из сумки свой телефон и отключаю на нем блокировку экрана.

– Держи, Лис. Если хочешь, можешь пойти поиграть в переговорную, там места много. Только не отвечай на звонки, умоляю, – зная ее, предупреждаю строго.

Искренне обрадовавшись, она вприпрыжку убегает, закрывает за собой дверь переговорной, а я решаю переодеть испачканную блузку. Благо вещей у меня с собой целый гардероб.

Опустившись на корточки, я ищу в сумке не мнущийся черный жакет и в этот самый момент откуда-то сверху доносится неестественное покашливание.

Резко выныриваю из-под стола.

Упс.

Передо мной материализуется Владислав Маркович. Почему-то я ощущаю себя преступницей в его глазах, будто он поймал меня за чем-то постыдным.

Мужчина задерживает взгляд на скомканной тряпке в моих руках, которую я тут же прячу за спину.

Головой качает, словно увидел в этом что-то предсудительное.

– Вижу, вы уже устроились? Что ж, отлично! – он вынимает из кармана пиджака визитку и важно кладет ее на стол. – Позвоните в "Глобэкс Банк" и запросите необходимые документы для составления агентского договора. И еще пригласите представителей банка на презентацию. Желательно в ближайшее время.

– Будет сделано, – киваю, нацепив на лицо дежурную улыбку.

Вешаю жакет на спинку кресла. Сразу же поднимаю трубку и клацаю по кнопкам, набирая номер телефона, указанный в визитке, а генеральный тем временем так и стоит над душой.

Не уходит, на дверь переговорной косится, а там Алиса в голос хохочет.

– Что-нибудь еще? – звонко переключаю его внимание на себя.

– Я стесняюсь спросить, а ваша дочь целый день собирается провести здесь? – улавливаю в голосе некую претензию.

Трубка вываливается из руки, мне приходится даже сбросить вызов.

Всего одной фразой он приводит меня в ярость.

А ведь можно было бы избежать этой стычки, если бы

я взяла отпуск за свой счет на недельку-другую, пока все не утрясется.

Я сглатываю тугой ком, застрявший в горле. Не решаюсь посмотреть боссу в глаза и увидеть в них полнейшее безразличие, ни капли надежды на понимание и сострадание.

– Я же вам говорила, у нас проблемы с жильем. С утра еще все пошло наперекосяк, а так обычно Алиса ходит в садик. Вас она напрягает?

– Меня нет. Она будет отвлекать вас от работы.

– Моя подруга должна помочь мне с этим вопросом. Я жду ее звонка. Она заберет Алису, можете не переживать.

Недовольно цыкнув, Влад гордой походкой удаляется в свой кабинет. Однако у меня закрадывается мысль, что он все-таки вошел в мое положение, просто ввиду своего прекверного характера не решился говорить об этом вслух.

Вообще-то он не всегда был таким вредным.

Как правило за всю рабочую неделю мы можем обменяться лишь парочкой фраз. Все шишки в основном летят в Лидочку и Альберта Игнатьевича. А по причине их отсутствия я стала следующей в списке, кто попадает под обстрел.

Нестрашно. Нужно набраться терпения и постараться не обращать внимание на его закидоны.

Уже во второй половине дня на рабочий телефон приходит странный звонок с не менее странного номера.

– Компания "Премиум-Авто", слушаю вас.

– Добрый вечер, а могу я переговорить с Владиславом? – спрашивает мужчина с того конца провода.

По чуть хриловатому и надтреснутому голосу можно предположить, что звонит мужчина в достаточно почтенном возрасте.

– По какому вопросу?

– По личному, – не раздумывая, отвечает собеседник.

– Хорошо, а как я могу представить вас Владиславу Марковичу?

Мужчина негромко хмыкает в трубку.

– Скажите, что звонят из Штатов.

Ого, возможно, босс взялся покорить Америку.

Я ставлю звонок на удержание и связываюсь с генеральным.

Жду один гудок, два, три.

Я отчетливо слышу, как его телефон разрывается в кабинете. Более того, я знаю, что он там, но Влад словно испытывает мое терпение, тем что нарочно выжидает.

Лишь после пятого гудка он поднимает трубку и произносит в нее резкое: Да.

– Владислав Маркович, звонок из Штатов. Мужчина не представился, но он сказал, что это личное, – передаю ему слово в слово.

– Скажите, что меня нет и никогда не будет! – рявкает мне в ухо, точно озверевший пес.

– Так и скажу, хорошо, – опешив, бубню я.

Уже собираюсь снять звонок с удержания и вежливо попросить мужчину перезвонить завтра, как вдруг генеральный окликает меня:

– Хотя, подождите! Соедините, черт с ним!

Без предупреждения я перевожу звонок из Штатов на Владислава Марковича.

Первые несколько минут их разговор ничем не отличается от сотен других разговоров, но затем из кабинета начальника то и дело прорываются иностранные словечки и льется изрядный поток сквернословия, что уши в трубочки сворачиваются. Некоторые сотрудники даже высовываются из своих кабинетов, чтобы понять причину дрожания стен и дребезжания стекол.

Я не из тех, кто любит подслушивать чьи-либо звонки, но мне и без того понятно, что мужчины между собой что-то не поделили.

Плохи дела.

Теперь босс ополчится на меня еще больше.

– Мам, мам, тетя Настя звонит! – радостно голосит Алиса на всю приемную, несясь на всех парах к моему столу.

Она передает мне телефон и я тут же отвечаю на звонок.

– С юбилеем, моя дорогая! Тридцать – конечно, не двадцать, но у каждого "дцать" есть свое великолепие. В тридцать женщины уже в состоянии отличить козла от одуванчика. Так что поменьше тебе в жизни козлов и побольше цветов!

Зажав телефон между ухом и плечом, я прыскаю со смеху.

– Спасибо, Настя. Что-что, а от цветов я никогда не откажусь.

Настя вздыхает, я следую ее примеру.

– Ну, рассказывай, что у тебя там стряслось?

– Да все вроде бы хорошо, – выдерживаю паузу, наблюдая за прыгающей до потолка Алисой. Она обожает свою крестную, – за исключением того, что нам теперь негде жить. Роза Николаевна обошлась с нами по-свински, даже суток не дала на сборы.

– Вот карга старая! Ну ничего, и среди женщин нынче можно нарваться на козлов. Забей на нее. Это даже к лучшему, я давно тебе предлагала переехать ко мне. А то что я в трехкомнатной квартире одна скучаю?! К тому же за аренду тебе платить не надо будет. Экономия!

Факт. Я сейчас коплю на первый взнос для ипотеки. Осталось всего ничего, и тут на тебе. Сначала у машины движок полетел, а теперь вот это.

Снова непредвиденные расходы. Тому заплати, этому дай, двойной взнос за аренду внеси...

– Не могу я переехать к тебе на совсем, ты же знаешь. Неудобно мне тебя обременять своими проблемами. У тебя же есть своя личная жизнь, в конце концов. Так что максимум, о чем я могу попросить тебя, потерпеть нас сутки-двое, пока не решу вопрос с жильем.

– Да брось ты, какая личная жизнь у меня может быть?

Живите сколько угодно. Втроем веселей! В общем, я сейчас поеду на фотосессию, пощелкаю одну блогершу, а как закончу с ней, могу заехать за вами.

– Было бы здорово, а то моя "ласточка" в ремонте, – отвечаю, вспомнив, что мне еще нужно будет тратиться за услуги механика.

– Ну тогда созвонимся? Пока, Шпулька.

Благодаря Насте настроение у меня поднимается в гору. Я вновь заряжена позитивом до краев и навалившиеся неприятности уже не кажутся мне чем-то катастрофичным.

Ближе к обеду я заказываю пиццу и порцию пасты с курицей для Алисы.

Как только доставляют угощения, рассчитанные на весь коллектив, ребята из финансового и рекламного отдела стягиваются на запах из своих кабинетов. В приемной воцаряется шум и гам.

Меня осыпают лестными комплиментами, забрасывают поздравлениями и пожеланиями о любви и богатстве. Девчонки из бухгалтерии не упускают возможности потрепать Алису за косички.

С главной поздравительной речью выступает Рита, наш главный бухгалтер, хотя обычно подобные речи толкает кто-то из директоров. Но, видимо, Владислав Маркович не посчитал нужным утруждать себя. Он даже не удосужился выйти ко всем.

Мне дарят конверт с каким-то сертификатом внутри, Ле-

ша-маркетолог вручает огромный букет моих любимых белых роз, который я ставлю в ведро у своего стола.

Я неустанно принимаю поздравления всех присутствующих, пока не заканчивается пицца, а от тортов не остается пара кусков.

Вскоре все сотрудники разбредаются по своим кабинетам и вновь приступают к рабочим обязанностям. Алиса еще какое-то время веселит меня своими впечатлениями о моих коллегах, но и она оставляет меня, вернувшись в переговорную.

Прибрав за всеми мусор, я перекладываю оставшиеся кусочки торта на керамическую тарелку, и осмеливаюсь постучаться в кабинет генерального.

– Владислав Маркович, вам сварить кофе? Я тортик вам принесла, – любезно предлагаю, стоя на пороге с протянутой рукой. – Угощайтесь.

Генеральный отвлекается от своего ноутбука. Лениво переводит взгляд с экрана на тарелку с тортом, наминая шею с задней стороны. А вид у босса такой замученный и удрученный, словно у него тоже хомячок сдох.

– Нет, спасибо, – на удивление, спокойно отвечает, мотнув головой. – У меня нет аппетита. Прошу, оставьте меня.

– Да, конечно. Извините, – пячусь назад и прикрываю дверь.

За работой день быстро подходит к концу. Офис постепенно пустеет. Как только стрелки часов переваливают за

шесть вечера в офисе не остается никого, кроме генерального меня и Алисы.

Закрыв рабочую сессию, я решаю заняться своими делами, пока жду звонка Насти.

Я исследую сайт недвижимости в поисках подходящей квартиры. Совершаю пару звонков, но остаюсь с носом. Подходящие квартиры оказываются уже сданными.

– Мам, а когда мы пойдем домой? – Алиса треплет меня за руку, зеваает. – Я уже устала.

– Солнышко, потерпи немножко, – обнимаю ее, – нам надо дождаться Настю.

– Позвони ей сама, – пихает мне в руки телефон.

– Я уже пробовала и звонить, и писать. У нее почему-то номер недоступен.

Ближе к восьми я уже начинаю не на шутку паниковать, поскольку салон вот-вот закроется, а от Насти ни слуху ни духу.

Паника только усиливается, когда дверь кабинета генерального распаивается и оттуда выходит Владислав Маркович.

Бодрый, свеженький, энергичный и запредельно важный. Он даже успел где-то переодеться.

Вместо привычного делового костюма и рубашки на нем одеты молодежные джинсы и светлое поло, плотно обтягивающее мускулистый рельеф.

Но стоит ему лицезреть меня с Алисой в приемной, как он

замирает в проходе и корчит недоумевающую гримасу. Репу чешет, не зная что сказать.

– А вы почему все еще здесь? – наконец, интересуется он озадаченно.

– Потому что пока нам некуда идти, – вымученно отвечаю, разминая затекшую шею.

Он переглядывается с Алисой, устало уронившей свою головушку на стол.

– И что вы планируете делать?

– Рассчитываю на свою подругу. Она обещала нас забрать, но, быть может, что-то случилось.

Влад опускает взгляд на наручные часы.

– Салон скоро на охрану поставят. Я не могу вас здесь оставить.

Я приподнимаюсь из кресла, выключаю компьютер из сети.

– Да, я понимаю. Дочь, собирайся, – легонько торможу ее.

– А куда мы пойдём? – спрашивает она с надеждой, а мне стыдно становится не только перед Владом, но и перед своей малышкой.

– Не знаю. Погуляем, пока Настя не объявится.

Влад вдруг порывается в свой кабинет, а возвращается оттуда буквально через полминуты.

– Вот, держите ключи, – протягивает мне металлическую связку. – Они от моей квартиры. Может, слышали дом на Авдеева с прожекторами на крыше.

Еще бы...

"Когда я услышала о нем, ты устроил мне самый романтический вечер в моей жизни. По сей день никто не смог переплюнуть по романтичности его".

– Конечно, когда-то ты мечтал о пентхаусе в этом доме,
– случайно вырывается. В испуге я округляю глаза, прикусываю язык до крови. Отругав себя мысленно, я тороплюсь поправиться: – *Вы...* простите, *вы* мечтали.

Как неловко вышло. Мне стыдно из-за того, что невольно позволила себе окунуться в воспоминания.

Ну вот...

Теперь босс странно на меня смотрит. Легкая улыбка проявляется на его губах.

– Я купил его. Там никто сейчас не живет. Можете поехать туда сегодня.

Ого! Что на него нашло?

– Мне неудобно, – отвечаю, так и не осмелившись взять у него ключи.

– Вам будет удобней ночевать с ребенком на улице или в замызганном номере гостиницы? Что ж ваше право! – сварливо произносит, зная на что надавить. – Но чтоб через десять минут вас тут уже не было!

Такая перспектива меня ничуть не привлекает, поэтому я тут же хватаю у него ключи.

Босс еще некоторое время пристально смотрит на меня. Тень задумчивости ложится на его идеально вылеплен-

ное лицо. Он желает мне что-то сказать. Я чувствую это. Однако вместо каких-либо слов он просто обходит меня и исчезает из поля зрения.

– Спасибо большое, Владислав Маркович, – говорю я уже в пустоту и в эту же секунду телефон мой оживает, завибрировав на столе.

Ну наконец-то!

– Юль, прости, – ноет моя подружка в трубку. – Эта блогерша выжала из меня все соки, а телефон еще в обед разрядился. Ты где сейчас?

– Мы пока еще в салоне.

– Слава богу, тогда выходите. Я на парковке вас жду.

– Мам, а мы поедem к твоему злому начальнику домой? – шустро вскакивает Алиса из-за стола.

Меня с толку сбивают ее горящие глаза. Она так умоляюще не смотрела на меня, даже когда выпрашивала мини-пупса.

Я с силой сжимаю в кулаке ключи от его квартиры.

Это же не брошенная кость. Влад просто решил нам помочь, но почему внутри меня все свербит от мысли, что я буду ощущать себя обязанной перед ним, если приму от него помощь.

– Нет, дочь, – я кладу ключи на свой стол, взваливаю на себя сумку и пакеты. – Пойдем, нас ждет Настя.

– Ну, блин, – хнычет она, надувая губки, – А я хотела в гости к Владиславу Марковичу.

– Как-нибудь в другой раз, – отвечаю я с твердым убеждением того, что подобного точно никогда не произойдет.

Мне не нужны от него такого рода подачи. Не спустя шесть лет.

3. Допрос с пристрастием, или Сообщение длиной в шесть лет

– Ну, я слушаю тебя внимательно, – Настя решительно идет на абордаж.

Включив режим дознавателя, она ставит на кухонный стол скромный набор для допроса, состоящий из вазочки с "праздничными" печенюшками и двух кружек чая с лимоном.

Подруга устраивается напротив, в качестве затравки сует мне в рот песочный кренделек и выжидательно смотрит на меня своими синими глазами.

Я медленно прожевываю, нарочно оттягивая время.

Ох и несдобровать мне. Она же сейчас всю душу выпотрошит наизнанку.

На первом курсе мы частенько устраивали вечера головоломки и добротной взбучки. За очередным обсуждением насущных вопросов мы поддерживали друга друга, иногда осуждали, читали нотации и даже ссорились по причине расхождений во мнениях.

Правда, вместо лимонного чая напитки были куда погорячее, но одно было неизменным – что бы ни случилось, мы всегда оставались лучшими подругами. Если проблемы, то общие, радость одна на двоих и практически одинаковые

судьбы.

У Насти тоже должна была родиться дочь от одного нагло-го мажора, но кое-что произошло, после чего она еще долгое время приходила в себя. А, справившись с горем, она стала гораздо сильнее духом. Беда закалила ее. Уже ничто не сломит мою подругу.

Свои переживания она привыкла прятать под краской для волос и по их цвету даже можно определить, что творится у нее на душе. Судя по тому, что вчера она перекрасила волосы в розовый, то скорее всего она встретила кого-то.

Но это не точно.

– Да что слушать? Это всего-навсего временные трудности, – уклончиво отвечаю, опустив глаза в кружку. – И не такое проходили.

– Нет, я про другое! Я про твоего гада-Влада, чтоб ему на Пасху яйца разбили!

Я резко поднимаю голову и выпаливаю возмущенно:

– Что? Он не мой!

Едва ли чаем не давлюсь, и кренделек встает поперек горла.

Настя отпивает большой глоток и, ничуть не скрывая своей ухмылки, поддакивает.

– Он был сегодня в офисе? Это из-за него у тебя вместо лица пешеходная дорожка? Просто такое чувство, будто по тебе целая толпа прошла. Уж больно ты помята.

Ну все. Сейчас точно начнется допрос с пристрастием.

Мне уже никак его не избежать.

Именно поэтому Настя решила по-быстрому спровадить Алису спать. Чтобы залезть мне под кожу и своими щупальцами вытащить из меня все переживания наружу.

Голова пухнет.

Я не хотела заострять на этом внимание.

Как-то же я продержалась, четыре года работая с человеком, который сначала возвысил меня до небес, а потом бросил, давая вдребезги разбиться о реальность. Но стоило мне допустить встречу Алисы с ним, как расклеилось то, что я склеивала годами.

И кошки теперь скребут, издирая острыми когтями то, что осталось от сердца. И голос внутри взывает о том, что неправильно было умалчивать... О том, что нужно было поставить перед фактом, невзирая на прошлые обиды, собственную гордость и его равнодушие ко мне.

А сейчас уже поздно. Момент безвозвратно упущен, и время назад не вернуть.

– Влад был сегодня на работе, да, – киваю безрадостно и нагло вру: – Но он никак непричастен к тому, что у меня нет настроения.

Настя прищуривается. Отодвигает в сторонку кружку и наваливается грудью на край стола.

– Получается, он видел Алису, так?

– Видел, – тяжело вздыхаю. – Сегодня он впервые увидел ее вблизи. Он смотрел на нее, как я сейчас на тебя смотрю.

– И?

– И ничего, – жму плечами, отчего Настя шлепает ладонью по столу.

– Скотобаза!

Она подскакивает на ноги, достает из верхнего шкафчика бутылку травяной настойки. Плеснув пару капель в свою кружку, подруга залпом допивает остатки чая и садится обратно.

– Неужели у него даже в мыслях не промелькнуло, что Алиса может быть его дочь? Это же очевидно! – в гневе она жестикулирует руками, а я шикаю на нее, намекая на то, что дочь может услышать. И Настя уже шепотом продолжает свою гневную тираду: – Поражаюсь тому, какие нынче мужики тупоголовые пошли. Это же простая арифметика, по срокам ведь все срастается.

– Больше, чем уверена, что Влад даже не помнит, что когда-то мы были вместе. И вообще, ты не думала, что у него есть девушка? Мне кажется, есть и даже не одна!

– Пока нет колечка, нет и человечка, а значит нет никаких поводов для беспокойств! – поигрывая бровями, стучит она указательным по безымянному пальцу. – Чужого нам не надо! Но свое надо брать, чье бы оно ни было.

– Настя! – протягиваю, на что подруга цыкает.

– Я восхищаюсь твоей выдержкой, – в открытую продолжает иронизировать, забросив ногу на ногу. – Почти каждый день видеть бывшего, отца своего ребенка и молчать в тря-

почку. Но всему когда-то приходит конец. Рано или поздно он сам все поймет. Должен! Стоит только намекнуть. Как вариант, подбросить ему на стол свидетельство о рождении Алисы Владиславовны.

– У меня нет цели что-то кому-то доказывать. Если догадается сам – хорошо, а нет – ничего страшного. Да даже если он все поймет, не уверена, что нам это нужно.

– Это нужно Алисе. Моей любимой крестнице нужен отец. На Артема нельзя будет положиться. У него теперь своя жизнь. Он уже три месяца не интересовался как там Алиса поживает, а дальше будет только хуже.

Насчет Артема она как никогда права. Уже четвертый месяц пошел, а от бывшего мужа ни слуху ни духу.

И все его обещания по поводу того, что его новая подружка никак не повлияет на общение с Алисой, оказались пустыми. Но Артемом я никогда не была очарована так, чтобы разочаровываться в нем, а вот Алиса ждала большего от него. Дочь не показывает мне своей обиды и тоски, но я-то знаю, что она скучает по нему.

– Нет, Насть, я тебя конечно люблю, и всегда прислушиваюсь к твоим советам, но не в этот раз. Влад совсем не тот, кем был раньше. Он сильно изменился. К тому же у него тоже есть своя жизнь, не даром он ведь ее скрывает от общественности. А у нас с Лисичкой своя жизнь, и наши жизни никак не пересекаются. Алисе он с первого взгляда не понравился.

У Насти натуральным образом отвисает челюсть.

– Почему?

– Потому что он назвал ее немой, а после намекнул мне на то, чтобы я больше не приводила Алису на работу. Наверняка, он ненавидит детей.

– Раз так, то завтра Алиса остается дома со мной. В садик же она все равно не поедет на другой конец города, а у меня весь день будет свободный.

Вскоре мы желаем друг другу спокойной ночи и расходимся по разным комнатам.

Алиса крепко спит в разложенном кресле. Я устраиваюсь на диване и тупо пялюсь в потолок, воссоздавая в голове первую встречу дочери с биологическим отцом.

Не такой я себе ее представляла. Чуда не случилось.

Впрочем, мои представления зачастую оказываются далеки от истины.

Уже находясь в полудреме, я ощущаю странную вибрацию под подушкой. Вспоминаю, что положила туда телефон, чтобы не проспять будильник. Тут же вынимаю его из-под подушки, думая, что пришел какой-нибудь спам.

Прищурив один глаз, смотрю на экран и мгновенно прихожу в шок.

Не спам.

Сам Влад написал мне сообщение. И это первое его сообщение с тех пор, как он бросил меня.

"Вы устроились? Все хорошо? Помощь никакая не требуется?"

Лицо моментально вспыхивает огнем. Жарко становится от той навязчивой мысли, что он все-таки беспокоится о нас. И это совсем на него непохоже.

Вон, даже переступил через свою гордость, раздобыл мой личный номер и написал целых восемь слов.

Сон как рукой сняло.

Я переваливаюсь на спину и, держа перед собой телефон, пишу ему ответное сообщение. Стираю текст несколько раз подряд, подумав, что слишком много слов настрочила на его восемь. Затем снова набираю и, не даже не перечитав, отправляю:

"Я премного вам благодарна за помощь, но мы с дочерью отправились ночевать к моей подруге. Ключи я оставила на столе. Извините".

Он читает сообщение, а я как наивная дурочка гипнотизирую экран в ожидании ответа.

Ответа никакого не следует. Он не пишет. Это была разовая акция. Чего я могла еще ожидать?

Однако стоит мне заблокировать экран, как он вновь загорается, а в сообщениях высвечивается одно непрочитанное:

"А где ваш муж? Почему он не решает ваши проблемы?"

Что? Разве он не знает? Наверное, все в офисе были в курсе, по какой причине год назад я пару раз отпрашивалась с работы.

Изначально планирую увильнуть от ответа, ограничившись лишь коротким "так получилось", но что-то буквально

вынуждает меня выложить ему всю правду:

"Муж не участвует в нашей жизни. Год назад мы развелись."

Прочитав сообщение, Влад выходит из сети, а я еще некоторое время держу телефон в руках, пока полностью не проваливаюсь в сон.

4. Просьба

В приемную я вхожу одна из последних – за пару минут до открытия салона.

И что я вижу?

Ключ от квартиры генерального так и лежит на моем столе, а его самого в офисе нет.

Взбодрившись кофе, я меняю воду в цветах. Надеваю очки и приступаю к своим обязанностям: обзваниваю партнеров, рассылаю приглашения на презентацию, отвечаю на все входящие письма.

Уже ближе к полудню мне звонит Настя и предлагает вместе пообедать в местной кафешке.

"Спускайся, мы Алиской ждем тебя на парковке".

Прочитав сообщение, я сворачиваю рабочую сессию, вешаю сумочку на плечо. Уже несусь из приемной как ошалелая, как вдруг из-за угла на меня бульдозером напирает доставщик с огромным букетом алых роз. Проходу мне не дает. Но пахнет от него совсем не цветами, а чем-то знакомым, опьяняющим....

Я отхожу в сторонку, чтобы пропустить молодого человека, а это оказывается никакой не доставщик.

Лицо Владислава Марковича показывается из-за сотен бутонов и неведомая сила пригвождает меня к полу, после чего следует короткая немая сцена.

– Вы-то как раз мне и нужны! – приветливо выдает он после неловкой заминки, переступает порог приемной.

– Цветы нужно кому-то отправить? – заикаясь, спрашиваю.

Влад проходит к моему столу, опускается на корточки и ставит букет в ведро, накрывая им букет, подаренный коллегами.

Он энергично поднимается во весь рост, разворачивается ко мне лицом и с серьезным видом ставит меня в затруднительное положение:

– Нет, зачем? Это вам.

– От кого? – недоумеваю.

Я поглядываю то на шикарный букет, то на генерального. Штурмую свои мысли.

Это происходит взаправду? Просто цветов в таком объеме мне сроду никто не дарил, а на горизонте нет никого кто бы мог так расщедриться.

– От меня, от кого же еще! – Влад отправляет меня в нокаут, понижая голос до вибрации и ускоряя скорость кровотока.

"А почему тогда не белые?" – хочется следом поинтересоваться, ведь это он привил мне любовь к этим цветам, но мало того, что у меня язык напрочь онемел, так я еще повергнута в шок. Вообще ничего не соображаю.

– Эм-м, с-с-спасибо. Очень красивый букет, – кое-как получается вымолвить, во рту настоящая пустыня, а вместо

мозгов – одинокое перекасти-поле, гонимое ветром туда-сюда.

Пользуясь моим временным замешательством, Влад приближается ко мне. Он снимает с плеча мою сумку, на стол ее ставит, а потом деликатно кладет ладонь на мою талию и ведет меня в сторону своего кабинета.

– Пройдемте, мне нужно с вами кое о чем переговорить.

– Сейчас? Я не могу. Меня ждут. Я на обед собиралась, – опомнившись, я отшатываюсь от Влада, а он только сильнее пережимает рукой мою талию. Вздохнуть не дает.

– Это ненадолго. Вы сможете пойти на обед сразу после нашего разговора. Более того, я могу дать вам отгул на весь день.

Что на него нашло? И что это у него на лице? Улыбка? Быть того не может.

Он закрывается и, снимая на ходу пиджак, проходит за свой стол. В кожаном кресле устраивается.

– Юлия Андреевна, будьте добры, присядьте, пожалуйста, – велит он, указав на кресло напротив. – У меня к вам серьезный разговор.

Мне требуется пару секунд, чтобы удостовериться, что я не брежу.

Просто обычно этот мужчина сварлив и придирчив, а тут и цветы с утра пораньше преподнес и в одном предложении упомянул сразу и *"будьте добры"*, и *"пожалуйста"*.

Если еще *"спасибо"* и *"на здоровье"* скажет, то точно усо-

мнюсь в своей адекватности.

Подчинившись, я присаживаюсь на краешек кресла. А мысленно нахожусь на низком старте на случай, если надо будет по-быстрому улизнуть из кабинета Владислава Марковича.

Я расправляю несуществующие складки на своей юбке. Тяжко вздохнув, жду. Чего – не знаю.

Чует сердечко, сейчас босс выдаст такое, после чего мне придется собирать свои пожитки и выгружать из архива старое резюме.

Но я вроде бы нигде не проштрафилась, за что меня можно было вздрючить.

Генеральный с задумчивым видом разглядывает улицу из панорамного окна, восседая в кресле. Двумя пальцами ослабляет узелок своего галстука, пальцами другой руки барабанит по столешнице ритм, сравнимый с похоронным маршем.

Как символично...

А то сотни моих нервных клеток он уже убил тем, что нарочно держит меня в нервном напряжении.

Я неестественно прочищаю горло.

Моргнув, босс резко переводит на меня свой проникновенный взгляд. Эти глаза раньше были похожи на ночное небо в лунном свете, а последние четыре года напоминают мне лишь два обуглившихся "ничего".

– Значит, так. Не буду ходить вокруг, да около, – заяв-

ляет он. Кладет руки на стол и сцепляет длинные пальцы в замок. – Вчера со мной созвонился отец. Это был довольно неожиданный звонок, мы не общались с ним порядка пяти лет. Разругались в пух и прах из-за банальных расхождений во мнении касательного моего прошлого и будущего, но не в этом суть! – фыркает раздраженно, я внимательно жду сути. – Вчера он, к сожалению, вспомнил, что у него есть родной сын. Мой отец соизволил сделать шаг к примирению. Правда, есть в этой истории одно "но".

Не понимаю, зачем мне это знать.

– Что за "но"? – переспрашиваю я.

– Изначально он позвонил мне, чтобы разрекламировать мне какую-то англосакскую девицу с внушительным багажом приданого, так я его лесом послал, – цедит он. – А потом он оповестил меня о своей болезни. Признаюсь, в какой-то миг мне стало даже жаль, что нас разделяют одиннадцать тысяч километров. Но ровно до тех пор, пока он не начал спекулировать своей болезнью.

А не со своим ли отцом он вчера разговаривал на повышенных по телефону. Звонок из Штатов. Точно.

– И? – протягиваю я, часто моргая. – Так он болен или нет?

Босс выдавливает печальную улыбку, пустым взглядом смотрит на такую же пустую фоторамку, стоявшую на его рабочем столе.

– Болен, к сожалению, – обреченно жмет плечами. – Про-

сто слово за слово и наше примирение переросло в очередную перепалку. Отец всячески пытался выставить меня виноватым. Якобы, я научился управлять бизнесом, но в свои тридцать три так и не создал семью. Он старой закалки и не понимает, что тридцать три – это только начало.

Я ерзаю в кресле. Места себе найти не могу.

Его проблемы, которые и проблемами-то сложно назвать, давят на меня тяжеленным грузом. Словно он перевалил их разом на мою голову.

– Владислав Маркович, я, конечно, сочувствую вам и вашему отцу, но при чем здесь я? Если вы забыли, то я хотела пойти на обед, а еще мне нужно подготовить для вас презентацию, – деликатно извещаю, поправляя съехавшие к кончику носа очки.

– Презентация подождет!

Босс приподнимается из-за стола, огибает его и присаживается на край прямо возле меня. Он существенно повышает градус в помещении и заставляет меня визуально уменьшиться в размерах.

– Вчера я сдуру ляпнул, что за то время, пока мы были в контрах, я обзавелся и женой, и дочерью, – произносит он как на духу, а у меня волосы на затылке вздыбились от такого неожиданного признания. – Хотел тем самым урезонить его и вновь прийти к взаимному безразличию. Думал, отец поверит мне на слово. Я смонтирую для него парочку семейных фоток и на этом все, он отстанет от меня, но нет. Этим я со-

здал себе еще большие проблемы, поскольку на днях отец прилетает в Россию. Он желает лично познакомиться со снохой и внучкой. Никакие уговоры не подействовали. Он точно нагрянет, из-под земли найдет.

Сглатываю.

– Дело дрянь.

Тогда босс одаривает меня плутовским оскалом. Коварно смотрит, до мурашек.

– Нет, если вы согласитесь подыграть мне.

Тотчас вскакиваю из кресла, но он одним движением руки возвращает меня на место.

– Я? Да вы издеваетесь? – шиплю, жестикулируя руками. – Еще и дочь мою хотите впутать в этот каламбур?

– Именно так, – дьявольски ухмыльнувшись, он складывает руки на груди и спешит напомнить о моей никчемности: – Юлия Андреевна, у вас за плечами брак. Пускай для вас он оказался неудачным, но вы знаете как нужно себя вести.

– А вы? – злюсь я, ведь ему удалось уколоть меня. – Что вы знаете о браке?

– Ничего толкового, но я просчитал всевозможные ходы, проанализировал отношения своих родных и близких. Я примерно представляю, что от меня ждет мой отец, – он возвращается к столу, выдвигает ящик, а затем кладет возле меня два листа. – С утра я составил договор, в котором нанимаю вас и Алису на должность своей фиктивной жены и дочери, и единственное, о чем я вас прошу – это о неразглаше-

нии. Обратите внимание на четвертый пункт. Вам же нужна квартира. Этих денег хватит на приличную однушку.

– Что? Я не выйду за вас! С какой стати?

Влад быстро отвечает:

– И не нужно. Я разберусь с этим вопросом без вашего "Согласна", сказанного у алтаря.

Поумерив свой пыл, я вчитываюсь в, так называемый, договор о неразглашении. Пробегаюсь по всем пунктам, касающихся фиктивного брака, а, когда дохожу до четвертого, у меня буквально отвисает челюсть.

Вашу мамашу!

Это же огромные деньжища. Да я столько за два года не заработаю, даже если буду впахивать с утра до ночи.

"Эх, Владик, если б ты только знал, о чем просишь.

Никакая мы не фиктивная семья.

Если бы ты не сбежал от меня и не ушел с головой в бизнес... Если б был чуть внимательней, то не нужно было бы сейчас изобретать велосипед.

Твоя семья находится у тебя перед глазами вот уже четыре года".

– Вы не понимаете, – кое-как проговариваю из-за подступивших к горлу слез, – Алиса она...

Я уже была готова сознаться, что ему не нужно притворяться отцом, но он безжалостно перебивает меня:

– Всего на пару дней. Прошу, избавьте меня от него, – его голос сходит на шепот, он умоляюще смотрит мне прямо

в глаза. – Он же как прилипшая жвачка. Вздохнуть мне не даст, не отлипнет.

Зябко передернув плечами, я встаю в позу.

– Извините, что я говорю, когда вы перебиваете, но нет. Я на такое не пойду. У меня своих проблем предостаточно!

Тогда он берет мою руку в свою. Я вздрагиваю, почувствовав, как тысячи иголок вонзились в кожу ровно в то место, куда приходится прикосновение.

Влад впережестя в меня немигающим взглядом, обездвигивает полостью. Мысленно он давит на меня. Я ощущаю эти напряженные импульсы в области груди, пока он не отпускает мою руку, чтобы взять со стола ручку. Он вкладывает ее в мою ладонь и указывает на поле, где нужно расписаться.

– Соглашайтесь, – просит он с заискивающей улыбкой.

Для него это всего лишь игра, а для меня нечто большее.

– Отец не задержится надолго. Пока он будет здесь, вы с Алисой поживете у меня, а как только все закончится, вы обзаведетесь собственной квартирой.

– А что потом? Всякий раз, когда ваш отец захочет повидаться с внучкой, нам нужно будет играть с вами в счастливую семью?

– Уверяю, он больше не вернется. Болезнь смертельная, а познакомиться со снохой и внучкой – последняя его воля.

С одной стороны – это дикость несусветная – обрекать себя и дочь на такое испытание.

А вдруг мне понравится? Что, если я вживусь в роль его жены настолько, что позабуду о том, что это всего лишь игра?

Я боюсь не Влада, не его отца. Я боюсь себя, и то, что может проснуться внутри меня от долгой спячки... Чувства.

Но, с другой стороны, когда я еще смогу заработать на собственное жилье?

Плевала я на чувства. Я научилась их укрощать.

Поразмыслив еще пару минут, я ставлю подпись напротив своего имени и отодвигаю от себя этот ужасный договор.

Босс заметно расцветает, а я с каждым вздохом только увядаю.

– Почему именно мы с Алисой?

В глубине души я надеюсь, что в его выборе есть какой-то скрытый смысл. Может, он догадался?

– Вы были первыми, кто пришел мне на ум, – своим шаблонным ответом он спускает меня с небес на землю, а через паузу добавляет: – Из нас выйдет образцовая семья. Ты не пожалеешь.

"Ты"...

Как давно я не слышала ничего подобного от него.

От того и обидней вдвойне.

Прежде чем выйти из душного кабинета, я решаю оставить последнее слово за собой:

– Это жестоко с вашей стороны, но что ни сделаешь ради дорогого человека, правда? Я уточню у Алисы, но если

она не захочет, вам придется искать замену.

– В этом нет необходимости. Только что я встретил ее на парковке и уже поговорил с ней, – кичливо произносит, заставляя замереть в проеме. – Она согласна на все условия.

От такой наглости я громко ахаю.

Влад гордой походкой вышагивает ко мне. Он вновь нарушает мое личное пространство. Сбивает дыхание, дотронувшись своей рукой до моей ладони, державшей дверную ручку.

– В отличие от вас Алису не пришлось долго уговаривать. Ваша дочь очень сговорчива в этом плане.

Она же еще ребенок, осел!

В мыслях я уже высказала этому наглецу все, чего он заслуживает, а на деле лишь стряхиваю его руку со своей и натянуто улыбаюсь.

– Раз так, то нам надо будет взвесить все риски и установить правила.

– Тогда, не будем тянуть время.

Моргаю в недоумении.

– В смысле?

– Вы переезжаете ко мне уже сегодня. Нам нужно время, чтобы все хорошенько обдумать, поэтому будьте готовы уже через час.

Влад подмигивает и прикрывает за мной дверь, намекая на то, что разговор исчерпан.

Ох, чую добром это не кончится...

5. Папайя!

На парковке для клиентов салона Настя встречает меня с уже привычным гонором:

– Юль, колись, ты мне что-то недоговариваешь?

– Ты о чем вообще?

Я туговато соображаю. Думала, свежий воздух поможет мне собраться с мыслями, но фиг там. Стало только хуже.

После разговора с генеральным разжиженный мозг включил режим автопилота. Ноги сами волокли меня, что я не помню, как выбралась на улицу.

– Ты в курсе, что этот твой Владик-лимонадик минут пять назад подошел к нам ни с того ни с сего? – подруга жужжит прямо в ухо, больно хватанув меня за предплечье.

– Вообще-то не к нам, а ко мне! Моркович хотел поговорить со мной, – деловито поправляет ее голос Алиски, а самой дочери я почему-то не вижу.

Рядом с нами стоит полутораметровый плюшевый медведь с бантом на шее цвета спелой тыквы.

В испуге я даже отпрыгиваю от этого мохнатого монстра и зажмуриваюсь, подумав, что на фоне стресса, у меня возникли глюки. Лишь встряхнув головой и хорошенечко прищмотревшись, я замечаю, что дочь обнимает игрушку, которая больше и шире ее раза в два. Счастливая. Светится вся, ослепляя лучезарной улыбкой похлеще солнца, а взгляд та-

кой хитрющий, словно замышляет заговор.

Тем временем подружка моя метает громы и молнии, которые рикошетят прямо в меня.

– Он случайно не того? – спрашивает она, складывая руки на груди.

– Кого? – моргаю я.

Она наклоняется ко мне и сквозь зубы тихо проговаривает:

– Не извращенец ли он часом?

Через все тело словно электрический разряд пропустили. Звездануло так, что я отшатываюсь от Насти и обалдело выкатываю глаза на нее.

– Ты с ума совсем сошла!?! – пискнув, я кручу у виска и отмахиваюсь от нее, как от мухи надоедливой. – Как тебе в голову могло такое прийти?

Настя фыркает и руками разводит в стороны.

– А откуда мне знать? Я только на минутку отвлеклась на звонок, а потом смотрю, Алиска уже с Владом у его машины трется и косолапого принимает. Шушукались они минуты две, но твоя вредная дочь ни в какую не сознается что он ей говорил!

– Потому что я пообещала дяде Владу, что это останется между нами! Это тайна! – официальным тоном произносит Алиса, крепче стискивая руками игрушку.

На такую реплику Настя задирает вверх голову и заходится смехом на всю округу.

– Дядя? Алиса, никакой он тебе не дядя! Это же твой пап...

Я на рефлексе вскидываю руку. Стремглав бросаюсь на подругу, едва ли не выпрыгивая из своих туфель, и суетливо припечатываю к ее неконтролируемому рту свою ладонь, пока она не сболтнула ничего лишнего, а потом как подбитая курица отчаянно выкрикиваю:

– Паа-а-пайя!

– Папайя? Дядя Влад папайя? – нахмурившись, дочь зыркает на нас снизу вверх как на умалишенных, чем вводит в ступор.

Натянуто улыбнувшись, я не придумываю ничего лучше, чем забрать у нее плюшевую игрушку, которая оказывается к тому же еще и тяжелой.

Нашел чем уважить мою дочь... С козырей сразу пошел.

– Нет! Эм-м.. назовем мишку "Папайей"! У него и бант в цвет! Правда же классно? – кое-как выкрутившись, я взваливаю медведя на плечо, бросаю сердитый взгляд на пришибленную Настю и сквозь зубы цежу: – А с тобой я потом поговорю!

– Мама, ну какая папайя? Это ж цвет морковки! – Лисичка делает мне замечание, указав на бантик. – "Морковычем" и назовем! В честь дяди Влада!

Я скоро свихнусь, вне всяких сомнений...

Я не рассказала Насте о сути нашего с Владом соглашения.

Лучше ей не знать всех подробностей, иначе та порвет моего босса на британский флаг, узнав, что нас теперь скрепляет договор. Я ограничилась лишь легендой о том, что он на добровольных началах решил оказать нам помощь с жильем. По факту так и получается – жилье взамен на просьбу.

В глазах моей подруги Влад значительно продвинулся в "рейтинге потенциальных отцов" для Алисы. Теперь он представляет собой благородного рыцаря в блестящих доспехах, а в моих же глазах он как был эгоистом, так эгоистом и остался. Как был чудачком на букву "м", им и остается по сей день...

Как у него только язык повернулся – предложить подобное той, которая грезила мечтами создать с ним большую и дружную семью.

Мечта идиота сбылась, только вот с опозданием, небольшой погрешностью в виде договора о неразглашении и быстротечностью, ведь через каких-то пару дней наша мнимая семейная идиллия обратится в пыль...

После обеда мы загружаем "Марковича" в Настину машину. Подруга уезжает по своим делам, а мы с Алисой возвращаемся в офис, где царит непривычная тишина.

– Дочь, так и о чем ты разговаривала с Владиславом Марковичем? – выпытываю я из нее, с опаской поглядывая на дверь, где скрывается генеральный.

Алиса увлечена разглядыванием подаренного им букета. Склонившись над ведром, она нюхает прекрасные бутоны

и отстраненно при этом отвечает:

– Он спрашивал, участвовала ли я в садике в сценках.

– А ты что ответила?

– Сказала правду.

– Ты сказала, что была деревом в спектакле?

– Угу, и дядя Влад, сказал, что этого достаточно, чтобы заполнить главную роль в его спектакле.

Хитрый жучара.

От этого "дядя Влад" все кости ходуном ходят. Более того, я начинаю переживать о том, что этот обман для Алисы тоже не пройдет бесследно.

А что, если она привяжется к Владу?

Теоретически такое ведь возможно. Она же еще совсем ребенок. Наивная и частая душа, которая верит в добрые сказки больше, чем маме.

Для них любой человек, преподносящий подарки, автоматически приравнивается к Деду Морозу. А между Дедом Морозом и Владом огромная пропасть, если не больше. Один из них наивная выдумка, а другой большой выдумщик, лишенный всякого стыда.

– Мам, это же круто! Я буду актрисой! – театрально провозглашает Алиса.

Она как заведенная хлопает в ладоши и радостно вертится вокруг себя, теребя подол своего платьишка.

– Да уж. Алиса – актриса. Круче и быть не могло, – выдыхаю я, пальцем удерживая слезинку у ресниц.

В груди переворачивается все, ухает и вновь поднимается. Поджилки вибрируют и предчувствие дурное не дает мне покоя еще со вчерашнего дня, что в совокупности мешает мне в полной мере разделить искреннюю радость с дочуркой.

– Мам, ну ты чего? Все будет хорошо, я справлюсь.

Она подлетает ко мне и заключает в медвежьи объятия. Подбадривает и вселяет в меня уверенность. Моя любимица всегда придает мне сил, что бы вокруг ни происходило.

– Знаю, солнышко. Ты же у меня умница, – шепчу ей в ответ и целую в макушку.

Я устраиваюсь в кресле. Своими пальцами зарываюсь в распушенном шелке ее русых волос, вдыхаю родной сладковатый аромат, способный враз усмирить собственную мнительность. Развернув Лисичку спиной к себе, я достаю из сумки резиночку, и, чтобы немного унять свои нервы, принимаюсь плести ей косу.

– А еще дядя Влад сказал, что я могу попросить за эту роль все, что захочу, – вкрадчиво она продолжает и разворачивает голову вполоборота, мешая мне сделать ровный пробор. В итоге я решаю обойтись простым хвостиком. – Все-все-все, понимаешь?

Расческа зависает над головой Алисы, и сама я замираю. Стоит только представить, что может таиться под "все-все-все" в понимании моей пятилетней дочери, как меня одолевает оторопь и мысли вскачь разбегаются по разным уголкам сознания.

– И-и-и... что же ты у него попросила?

– Отравить нас на "Мандивы", – невольно исковеркав слово, праздно она произносит. – Ты же говорила, что хочешь в отпуск, а я тебе его устроила!

Вот те раз... Хоть стой, хоть падай. Моя дочь оказалась малолетней вымогательницей...

– На Мальдивы? – переспрашиваю глухо, затягивая хвост резиночкой.

– Ой, да какая разница! – отмахивается она. – Главное, что он согласился. Моркович сказал, что после спектакля мы втроем поедem на Мандивы.

– Втроем? – подпрыгиваю я с места. – Хочешь сказать, он тоже с нами отправится?

– Да, это я так придумала!

Алиса так гордится своей находчивостью, а меня же эта новость ошеломляет до седых волос и тахикардии.

Она разворачивается ко мне лицом.

Боже, от волнения я даже хвостик нормально не смогла сделать. Мои руки-крюки наворотили ей одних "петухов" по всей макушке.

– Мам, я же обещала сделать дядю Влада хорошим! А злой он, потому что на Мандивах ни разу не был. Ты же была, а он нет. Вот, все сходится.

– Ну, девчонки? Вы готовы? – внезапно сбоку от нас раздаются игривые нотки бархатистого баритона. – Мы можем ехать?

Медленно перевожу глаза на Влада, возвышающегося над нами. Наши взгляды буквально сталкиваются. Его выразительный в перерез моему скептическому и обеспокоенному.

Проглотив одеревенелый язык, прохожусь по нему с головы до ног.

Идеальный, черт возьми...

Он снова переоделся в повседневную одежду, снова лыбится мне как ни в чем не бывало. Правда, этот его вдохновенный видок несколько не воодушевляет меня.

Я в ауте. И слова вымолвить не могу.

Мурашки колючие ползут по телу от перспективы стать в его игре разменной монетой.

Еще ведь не поздно все переиграть? Нет же. Я могу отказаться.

Могу и сделаю это!

Только я успеваю раскрыть рот, как Алиса подбегает к нему и берет его за руку. Рот мой сам по себе захлопывается от удивления.

– Поехали, только не обращай внимания на мою маму. Она волнуется, – говорит дочь своему нерадивому папаше. – Просто она еще никогда не участвовала в сценках. Даже деревом ни разу не была.

Влад опускается на корточки и без спроса снимает с ее волос резиночку, вероятно, сочтя прическу уродской.

– Да ты что? Думаешь, твоя мама не справится? – шушукается, пристально глядя при этом на меня.

– Конечно, справится! Моя мамочка самая умная, сильная и красивая. Она справится со всем! – грозит ему пальцем. – Ты только почаще покупай ей мороженое и шоколадки.

– Алис, почему ты "тыкаешь"? – вырывается из меня.

Просто я внезапно вдруг поняла, что ревную. Ревную свою дочь ко Владу...

Генеральный улыбается Алисе во весь рот. Он нажимает на кончик ее носа, отчего она начинает звонко хохотать, а потом Влад выпрямляется во весь рост, не выпуская ее руку из своей.

– Все нормально. Таков был наш уговор. В кругу семьи ведь не "выкают", – доходчиво он поясняет. – Так что возьми пример со своей дочери, хорошо?

Алиса прячется за спиной генерального и, поднеся ладошку ко рту, беззвучно говорит мне:

– "Мандивы", мам, соглашайся.

– Х-хорошо... – отвечаю, воспряв духом.

– Ну тогда поехали. Нам еще многое предстоит обсудить.

Киваю Владу, встаю из кресла, в которое, думала, уже вросла, и волоку тяжелые ноги вслед за этой парочкой, держащихся за руки.

Такое я могла себе представить только во сне...

6. Подготовка перед притворством

А Влад хорошо подготовился. Он уже все распланировал, просчитал. Хитрец заранее знал, что я соглашусь на все его условия.

Почему? Да потому что в его машине заблаговременно было установлено детское кресло, в котором сейчас сидит Алиса.

Я конечно подозревала, что не отличаюсь особой эксцентричностью, но не думала, что настолько уж предсказуема.

Всю дорогу мы едем молча. Алиса, сидя сзади нас, тоже не подает никаких звуков. Притаилась или снова что-то замышляет.

Тишина давит на меня, стены консервной банки с каждым километром сужаются.

Нервишки шалют, как перед защитой диплома.

Это все Влад виноват. Мне не по себе находиться рядом с ним. Ехать в его машине к нему же домой...

Я то и дело ощущаю на своем лице его прожигающий взгляд, но всячески делаю вид, что не замечаю этого.

Отстраненно разглядываю пейзажи за окном, и ничуть не удивляюсь, когда по прошествии двадцати минут, мы въезжаем на территорию поселка "Элитного", предварительно пройдя зону контрольно-пропускного пункта.

Мысленно насмехаюсь. А я ведь подозревала, что он мо-

жет жить там, куда простолюдинка, вроде меня, может попасть только проездом или же, согласившись на дурацкую авантюру.

Хотя, где же еще мог пустить корни молодой миллионер, как не в месте, где сконцентрировано наибольшее скопление толстосумов?

Эффектно крутанув ладонью руль, Влад сворачивает на переулочек и останавливается напротив пафосного дома, построенного по самым современным технологиям. Стекол в нем больше, чем стен, что невольно начинаешь проводить параллель с гигантским аквариумом или с торгово-выставочным центром.

Качаю головой, закрываю глаза и откидываюсь на подголовник. Дышу глубоко и часто, пальцами вцепившись в кожаную обивку сиденья.

Господи, сегодняшней день еще вчера не задался.... Под чем я только подписалась...

Когда я разлепляю глаза, мы уже оказываемся в гараже, который своими размерами превосходит мою скромную съемную квартиру.

– Ну вот мы и дома, – произносит Влад, оглянувшись на Алиску. – Предупреждаю, жилых комнат только две, поэтому лучше сразу бежать и занимать любую понравившуюся.

– Мам, а давай на перегонки? – с огромным энтузиазмом предлагает дочь, освобождаясь от ремней безопасности.

Ничего ответить не успеваю.

Сиганув из машины, Алиса мчится к двери, словно точно знает, что через нее можно попасть внутрь дома, а Влад с растущей улыбкой на губах провожает ее спину, пока она не юркает за дверь.

В машине остаемся только мы вдвоем.

Сумрак повисает над нами, воздух накаляется. С каждым вздохом только волнительней становится.

Ладони потеют, взгляд мой мечется из стороны в сторону. Я нервно жую нижнюю губу, чувствуя как по позвоночнику вниз ползет неприятная дрожь.

Как мне вести себя рядом с ним? Могу ли я заговаривать о нашем прошлом? Что вообще он ждет от меня?

Надо бы на берегу обо всем договориться...

Странно, вроде взрослая женщина, а чувствую себя наивным подростком, оказавшимся рядом с предметом своего обожания.

И ощущения накрывают непонятные, словно я ослушалась маму и намереваюсь сделать то, после чего девочки обычно становятся женщинами.

В нашем договоре же нет ничего предосудительного. Мы два взрослых, в меру приличных человека, решивших извлечь из этого свою выгоду. Договор ни к чему не обязывает.

Это настоящий брак подразумевает собой интимные отношения, поцелуйчики, общую кровать и все такое прочее, а фиктивный брак предусматривает лишь фикцию. Мы будем притворяться, только и всего...

Ну и что, что каких-то шесть лет назад Влад видел меня голенькой чаще, чем завтракал. Ну и что, что порой мы не вылезали из постели сутками напролет...

То ведь было шесть лет назад, а нынешние обстоятельства складываются иным образом.

В данном случае от меня многое зависит. На кону репутация Влада. Он понимает это, и поэтому не позволит себе ничего лишнего в отношении меня. Он будет паинькой, дабы в глазах отца не стать посмешищем.

Боковым зрением я замечаю, как генеральный разворачивается корпусом, скрипя кожаной обивкой кресла.

Я подаюсь назад, когда он забрасывает руку на подголовник моего сиденья и в открытую изучает меня. Долго и неотрывно, что кажется время замедляет ход.

Он хочет что-то сказать или ждет от меня каких-то слов?

Осмеливаюсь посмотреть ему в глаза. В полутьме они становятся засасывающими глубокими воронками. Зловещими и не сулящими ничего хорошего.

Невозмутимое лицо Влада оказывается так близко. Неприлично близко, что я даже ощущаю тепло его дыхания. Несправедливо длинные ресницы, острые русые брови с изломом, ухоженная растительность на мужественной челюсти, смуглая кожа, широкие плечи, сильные руки с выступающим рисунком вен...

От всего этого я когда-то сходила с ума, а сейчас ощущаю лишь болезненный укол в сердце и сквозящий холод там, где

когда-то струилось привычное тепло. Так бывает, когда осознаешь, что это уже давно не твое. Что это уже не то, от чего можно было бы сходиться с ума. Этого ничтожно мало.

– Это ведь не будет долго продолжаться? Два дня? – сипло спрашиваю я.

– Два, а, может, чуть дольше, – отвечает сумрачно Влад, понижая голос.

Выдыхаю судорожно.

Я справлюсь. На сей раз дочь верит в меня больше, чем в Деда Мороза. Стоит и мне поверить в себя...

– Если что-то пойдет не по плану, мое рабочее место останется за мной? Ты же не уволишь меня?

– Нет, конечно.

– Хорошо. Это радует, – неуверенно киваю, и отворачиваюсь от него, теребя подол своей юбки.

– Юль, – протягивает он маняще.

Полчище мурашек пробегается по всему телу – как же красиво и по-особенному прозвучало мое имя из его уст.

– Что? – живо откликаюсь, неохотно вернув взгляд на Влада.

Он хмурится, складка между бровями углубляется. Исподлобья следит за моими руками, которые я не знаю уже куда деть. Мандраж играет на моих нервах, и теперь конечности живут отдельной от меня жизнью.

– Нет, так не пойдет, – резко выдает он, упрямится, ставя меня в идиотское положение.

– Что именно? – часто моргая, я озадаченно спрашиваю.

Начинаю копать в себе. Быть может, я сделала что-то не так и по этой причине Влад мог передумать.

Уж не знаю что было бы сейчас лучше: если бы он и впрямь отказался от нашего договора или перестал смотреть на меня так, будто я перед ним голая сижу.

Внезапно Влад тянется ко мне и накрывает плечи своими ладонями.

– Если ты будешь такой скованной все время, что-нибудь да точно пойдет не по плану. Расслабься. У тебя ведь хорошая фантазия?

– Да, наверное.

– Ну вот и отлично! Тогда представь, что мы влюблены, – очень тихо и с толикой нежности произносит он.

Представить? В отличие от него мне не нужно ничего представлять. Я знакома с понятием влюбленность и любовь со всеми ее вытекающими...

А вот Владу уже сложнее будет. Его-то любовь оказалась фальшивкой.

Влад массирует мои плечи, заглядывает в лицо как и раньше. Все вокруг него магическим образом меркнет, расплывается и становится невзрачной дымкой.

Зажмуриваюсь, пока не впала в гипноз.

Это запрещенный прием...

Перестань, умоляю...

Он не понимает, что тем самым делает только хуже.

Отчаянно пытаюсь зацепиться за реальность, я все равно проваливаюсь в прошлое. Так или иначе я вспоминаю то время, когда его голос был моим ориентиром, когда я не замечала ничего вокруг, кроме него.

– Ты можешь делать все, что угодно, говорить мне все, что только вздумается, – говорит он, старательно располагая к себе, – а я, в свою очередь, даю слово, что и пальцем к тебе не притронусь без надобности.

Как раз в этот момент заостряю внимание на его ладони, по-прежнему лежавшей на моем плече, которое уже схватило огнем.

Хмыкаю, после чего наступает неловкая пауза.

Кожа лица Влада заметно багровеет. Я смутила его своим неммым замечанием. Он прочищает горло и резко убирает от меня свои руки, как от неистового пламени.

– Понял, я не трогаю тебя, – в подтверждение своих слов он складывает руки на руле.

– Что насчет всего остального? – уже более уверенно спрашиваю.

Влад многозначительно изгибает дугой одну бровь.

– А что у нас кроется под "всем остальным"?

– Влюбленные парочки обычно проявляют друг к другу нежность, если ты вдруг не знаешь, – выходит слегка дерзко.

– Что, правда? – усмехается он, на что я закатываю глаза.

Это в стенах офиса Влад обычно производит впечатление серьезного человека, а за их пределами больше походит на

избалованного мажора, который привык, что все пляшут под его дудку.

– Представ себе! Так и как нам быть с этим? – раздраженно выдаю и наставляю на него палец. – Учти, целоваться и нежничать с тобой ради твоего отца я не собираюсь!

Влад стирает улыбку с лица. Теперь он смотрит на меня недоверчиво, с затаенной смешинкой, словно я сморозила несусветную глупость. В глазах его рождается опасный блеск и живое любопытство.

– Понимаю, тебе не хочется проявлять ко мне нежность при моем отце. Но согласись, будет странно, если мы не будем вести себя так, как обычно ведут себя пары. Мне не хочется тебя огорчать, но, увы, поцелуи у нас будут. Без них никуда, – как ни в чем не бывало произносит, взглядом очерчивая мои губы. Их жечь страшно начинает. – Только не паникуй раньше времени. Если пожелаешь, то я могу каждый поцелуй оплачивать дополнительно. Внесу в колонку бонусов.

Фыркаю с отвращением. И с кем я только связалась?

– Бонусов? Думаешь, деньги – это главное для меня? – повышаю голос, обида говорит за меня.

– Тогда предложи мне свой вариант, – равнодушно бросает.

Да засунь себе эти деньги знаешь куда....

Я готова исколотить его до полусмерти. Руки так и чешутся, но вместо рукоприкладства я даю себе установку успо-

коиться и больше никогда не позволять воспоминаниям затмить мою голову. Я не имею права проявлять слабость перед человеком, который во избежание осуждения своего папочки, решился пойти на такой подлый обман.

Трус!

– Извини, мне надо отыскать Алису! – буркнув, выбираюсь из машины.

Я нарочно хлопаю дверью, а она, зараза, не хлопается из-за доводчиков.

Тогда я шустро проскальзываю в ту дверь, куда убежала моя дочь, а вот ею хлопнуть уже удастся. Да так, что штука-турка с потолка сыплется.

Я тебе устрою...

– Алис, дочь, ты где?

– Мамочка, я тут! Иди скорей ко мне! – звонко отзывается Алиса на мой клич.

Я следую на звук ее задорного смеха. Медленно поднимаюсь по стеклянной лестнице. Каждый мой шаг аккуратен и сосредоточен, как если бы я ступала не на сверхпрочное стекло, а на тонкий лед, грозящийся треснуть под моим весом.

С разинутым ртом я прохожу вдоль панорамного остекления, откуда открывается завораживающий вид на задний двор необъятных размеров.

Кое-как заставляю себя отлипнуть от окон, от разглядывания кристально чистой глади бассейна и не совсем соот-

ветствующего общему антуражу купольного домика, спрятавшегося от палящего солнца под раскидистой сосной.

Дойдя до коридора с развилкой, я сворачиваю влево и нахожу дочь в самой дальней спальне. Она оформлена в спокойных серых тонах и дополнена африканскими элементами в виде различных побрякушек и украшений интерьера.

Алиса на лету скидывает с себя босоножки, взбирается на кровать и принимается скакать на ней чуть ли не до потолка, приняв постель за батут. Она резвится, разбрасывая декоративные подушки по полу.

– Я выбрала. Я хочу жить здесь! Мам, можно? – хлопает глазками, падает на коленки и складывает ладошки в молитвенном жесте.

– Не знаю, надо спросить у Влад-и-и-ислава Марковича. Алиска звездочкой плюхается на кровать, в какую спокойно может вместиться еще с дюжину таких же, как она.

Кровать просторная. Просто гигантская.

Как на такой вообще можно уснуть? Мне, привыкшей спать в полуторке у стеночки, многовато будет.

– Ой, а что это такое? – интересуется Алиса, в складках белоснежного одеяла обнаружив кроваво-красное пятно.

Она разглядывает красную тряпку тореадора, поднимает ее над своей головой. Вертит так и сяк и ничего не понимает.

Я, если честно, тоже.

Алиса пальчиками растягивает за края кружевную вещь со свисающими с нее резинками, расправляет ее. Хмыка-

ет, склоняет голову влево вправо.

И тут до меня доходит. По темечку как шандарахнет!

Ох, елки-моталки. Стыд и срам!

Теперь понятно, для чего нужна такая огромная кровать.

Как в зад ужаленная я несусь к дочери. С утробным ревом вырываю из ее рук чьи-то трусы с подтяжками и с отверстием в самом нескромном месте.

Сминаю бесстыдную вещь в кулаке. Вытянувшись струной, за спиной у себя прячу.

Почти уверена, что с ног до самых корней волос я окрасилась в такой же пунцовый цвет, что и эти развратные труселя.

– Это лучше не трогать! – строго проговариваю, заикаясь. Отбрасываю трусы. Лягнув их ногой, задвигаю под кровать с глаз долой. – Лучше вообще здесь ничего не трогать! Не прикасайся ни к чему, а то мало ли...

"...на что здесь еще можно наткнуться, помимо ношенных женских трусов. Тут поможет только дезинфекция", – мысленно добавляю я, озираясь по сторонам в поисках других штучек-дрючек, каких моей дочери лучше не видеть... минимум до ее совершеннолетия.

Алиса садится на край кровати, ножки свешивает и болтает ими от нечего делать.

– А ты уже нашла себе комнату? Если тебе эта больше нравится, мы можем спать тут вместе. Места нам хватит! – вдохновенно лепечет она, хлопая по кровати рядышком с собой.

Казалось бы, что здесь такого? Это всего лишь комната.

Три стены, а вместо четвертой то ли телевизор, то ли портал в Нарнию.

Она совсем непохожа на детскую, несмотря на то что света в ней предостаточно, да и места с избытком. Квадратура позволяет соорудить здесь приличную детскую площадку, а еще взять неплохой разгон для того, чтобы с балкона сигануть бомбочкой напрямик в бассейн.

Наверняка, все это и подкупило мою дочь. Она счастлива, но в то же время так просто ко всему относится. Не то что я.

– Солнышко, а ты другие посмотрела? Может, выберем с кроватью поменьше?

– Нет, я хочу здесь. Не хочу другие, – складывает губки бантиком.

– Хорошо. Если ты решила, то на этой комнате и остановимся, – отвечаю неохотно, касаясь ее розовой щечки.

С дочерью мне совершенно не хочется спорить, как и портить ей настроение своими надуманными капризами по поводу разгульной жизни ее папашки.

Тем временем позади себя я различаю сопения, пыхтения и еле слышные ворчания.

Оглядываюсь через плечо, нисколько не удивляясь лицезреть там Влада. С высоты своего величия он взирает на меня глазами-остывающими углями, но молчит в тряпочку. Усвоил урок.

– Что-то не так? Потеряли что-то красное и полупрозрач-

ное? – язвительно бросаю тонкий намек.

Он не тоньше бревна, но босс все равно ничего не понимает. Дурачком прикидывается с атрофированным чувством стыда.

Влад топчется в дверном проеме как нашкодивший школьник перед строгой мамашей, только что вернувшейся с родительского собрания.

Сразу не отвечает. Делает шаг в мою сторону, наклоняется и почти по слогам произносит в ухо:

– Дело в том, что это моя спальня, – тихо, чтобы Алиска не услышала. – Когда я говорил о двух жилых комнатах, то подразумевал гостевые в правом крыле.

– А-а-а, то есть мне надо было самой догадаться, так? – сузив глаза в маленькие щелочки, я выплевываю с пренебрежением, вкладывая в него еще и моральное осуждение. – В следующий раз, Владислав Маркович, выражайте свои мысли четче. Я, знаете ли, еще не научилась читать их!

Босс обескуражен. В лужу присел.

Он раскрывает рот, желая возразить, но я и слышать его больше не желаю.

Гордо вздернув подбородок, я шагаю к кровати, где Алиса устроила бедлам.

– Дочь, пойдем подыщем нам другую спальню для ночлега. В этой спит дядя Влад, – бросаю на него убийственный взгляд, а мне в ответ летит возмущенный. – Вряд ли он поделится ею с тобой.

Алиса без особого желания спрыгивает с кровати, влетает в свои босоножки и, шлепая, приближается к нему.

А тот столбом стоит. Не двигается. Подперев боком дверной косяк, лишь со мной переглядывается, ищет снисходительность.

– Дядя Влад, ты что, жадина? – обращается она к нему с явной обидой, брезгливо морщит носик. – Не может быть. Я думала, мы друзья.

Вытянув физиономию, Влад существенно напрягается. Он на время впадает в ступор.

Боже, ну что я делаю?

Вместо того, чтобы как-то свести отца с дочерью, намеренно настраиваю одну против другого, а ведь еще и дня не прошло.

– Так и есть, малышка. Мы с тобой друзья, – очухавшись, Влад натягивает на лицо фальшивую улыбку. Это несколько не понимает мою дочь. – Просто, понимаешь, тут все мои вещи.

– И не только твои, судя по всему, – ворчу я себе под нос.

Слава богу, эти рассуждения остаются неслышанными, иначе неизвестно к чему бы в итоге нас привело.

Еще бы возомнил себя павлином и распушил свой хвост, подумав, что я ревную его.

По части ревности я вообще-то имею черный пояс, но то было давно. Сейчас же этот пояс пылится среди несбыточных надежд.

Алиса огорченно вздыхает. Понуриив голову, она берет меня за руку и тянет за собой на выход.

– Мне понравилась эта комната, но если дядя Влад не разрешает, то пойдем поищем другую.

Тогда Влад наконец вспоминает, что он свинья, но свинья порядочная. Широко расставив руки, он поспешно останавливает нас и не дает прохода.

– Нет! Не пуцу! – Он буквально заталкивает нас обратно. – Оставайтесь здесь, а я перенесу кое-какие вещи и устройусь в правом крыле. Не проблема.

Влад вновь отчаянно ищет в моих глазах что-то. Наверное, одобрение, но черта с два он получит мою благосклонность.

– Спасибо, дядь Влад!

Обрадовавшись, Алиса неожиданно набрасывается на него с объятиями. Я получаю болезненный укол ревности. В груди лед намораживает от такой многозначительной сцены. Однако стоит дочурке потянуть меня за юбку и привлечь к себе, как мое сердечко отгаивает.

– Всегда пожалуйста, – с явным облегчением отвечает Влад, но не дочери, а мне.

Он имеет наглость приобнять меня за талию. Я тотчас скидываю с себя его лапищу и отбрыкиваюсь от непривычки, чувствуя жжение на шее и щеках.

– Ну все. Хватит телячьих нежностей! – заикаясь, делаю акцент на последнем слове. – Еще рано играть в семью!

– Да ладно тебе! Попрактиковаться-то можно, – настаивает Влад, но вопреки своим словам он отходит от нас и прячет руки в карманы.

7. Опробовать на практике

Мы с Владом оказались в одинаково равном положении, где нет четкого разделения на правых и неправых. Где нам одинаково паршиво буквально от всего: от неосмысленных фраз, от непреднамеренных действий, за которыми не угадаешь, что скрывается.

Еще какое-то время он переминается с ноги на ногу, глядя при этом максимально смехотворно.

Чтобы не нагнетать обстановку, он оставляет нас в своей спальне, сказав, что ему нужно совершить пару важных звонков. И это единственное правильное решение, которое он принял за последние сутки.

Так как вещей у нас нет, следовательно заниматься обустройством быта тоже мало смысла, я ненадолго залипаю в телевизор. Безделье быстро наскучивает, тогда я занимаю себя сменой постельного белья, после чего достаю из-под кровати красные трусы и оставляю Алису. Пока она смотрит мультики на плазме, я отправляюсь исследовать владения, которые станут моими на предстоящие несколько дней.

Тщательно обзираю все углы второго этажа: комнаты, кабинет, ванную комнату. Нахожу спальню, в которой обосновался Влад, и решаю проявить свою изобретательность.

– Уж не знаю, какие именно вещи ты хотел перенести, но я подумала, что без этого тебе точно не обойтись. Не благо-

дари...

Я достаю из кармана непристойные трусы, вздеваю их на ночник, стоявший на прикроватной тумбе. Выравниваю по центру, чтобы отверстие четко проделось на лампочку. Затем отряхиваю ручки, улыбаюсь своему отражению в зеркале и сваливаю по-тихому, пока генеральный не объявился и не нарвался на мой сюрприз.

С чувством внутренней легкости я бабочкой порхаю на первый этаж, огибаю гостиную и холл, оформленные в таком же африканском стиле, что и спальня хозяина. Далее я отправляюсь в кухню и произвожу там тщательный обыск.

Рентгеновским взглядом осматриваю все поверхности и посуду, аккуратно сложенную в шкафчиках. Заглядываю в холодильник.

В конечном счете я прихожу к выводу, что все это фигня. Нас быстренько определяют в участников заговора, далеко ходить не нужно.

Если отец Влада не обделен серым веществом, в чем я несколько не сомневаюсь, он раскроет обман сразу же как только войдет на порог этого дома.

– Что притихла, женушка? Может, есть какие-то замечания? Говори, как есть.

Помещение гостиной равномерно заполняется бархатистым тембром, способным оправить в глубокое беспамятство. Однако мой мозг уже натренирован. Он адаптировался под ситуацию. Разум с ловкостью выбирается из заложников,

и цепляется за немислимый хаос, где есть только я и задание, которое мне было поручено.

Влад нашел меня за любованием моделек гоночных болидов и какого-то кубка, врученного за первое место в гонках.

Странно. Никогда не слышала, чтобы он интересовался гонками, и уж тем более участвовал в них.

Встрепенувшись, выхожу из состояния задумчивости. Ставлю увесистый кубок обратно на полочку и разворачиваюсь к нему лицом.

Судя по его влажным волосам и мокрым следам на домашних футболке и штанишках, он нашел время, чтобы принять душ.

От былой растерянности не осталось видимых следов. Он собран и до неприличия равнодушен внешне, но так вышло, что его спокойствие прямо пропорционально моей расчетливости.

И тут уже дело не в том, вычислят ли нас или нам удастся выйти сухими из воды.

Отныне меня волнует только финансовая составляющая. Ради наживы и удовлетворения собственных амбиций, я лепешкой расшибусь, стерплю любое унижение, но заполучу те деньги, которые Влад мне пообещал, раз ни на что другое я рассчитывать не могу.

А на его папашу и на него самого мне по барабану.

Нацепив маску отъявленной стервы, я скрещиваю руки на груди.

– Сколько у нас есть времени до приезда гостей?

– Отец летит через Москву, – испускает заколебавшийся выдох, что свидетельствует о том, что он все-таки нервничает. – Заночует в отеле, с утра встретится с партнерами, а ближе к вечеру уже будет на месте. Получается, у нас есть максимум сутки на все про все.

– Тогда нам нужно поспешить! Я созвонюсь с Настей, она привезет кое-какие вещи. Еще закажу доставку из нашей квартиры, где мы жили, пока нас не выселили, – засучиваю я рукава в прямом и переносном смысле, на что Влад скептически изгибает бровь. – Сюда нужны игрушки! Тонна игрушек, если на то пошло. А еще нужны фотографии, рамки под них и Алискины рисунки, а также всепогодная одежда, чтобы не навести на себя подозрений.

Влад мыкается из стороны в сторону, но кивает, соглашаясь со всем. Тогда я протягиваю к нему руку ладонью кверху.

– Покажи мне свой телефон, – говорю я с нажимом.

Влад ставит меня на игнор. Недоверчиво косится на мою ладонь, затем смотрит в глаза, которые сами собой закатываются.

Как же он меня раздражает. Бесит до зубного скрежетания.

– Послушай, осел, это тебе или мне нужно? – дерзко бросаю и руками всплескиваю, не увидев в нем заинтересованности. У Влада рот набок перекашивается от моей бестактности. – Давай начистоту, ты ведь совсем не вписываешься в

рамки семейного человека. Только идиот может поверить в то, что у такого отвратительного человека есть семья. Да ты даже не похож на того, кто может произнести слово "семья", не поморщившись!

– Вот как? – с холодящей сдержанностью произносит.

Влад делает скользкий шаг мне навстречу.

Чую, разозлила я его. Он в угол загнать меня желает. Тогда пусть он знает, что я не дамся без боя!

– А на кого я похож, по-твоему?

– На напыщенного индюка! – тыкнув в непробиваемую мужскую грудь пальцем, я выпаливаю. С остервенением, отвращением и с затаившейся болью. До хрипоты и потемнения в глазах. – Ты трус, Влад! И причин этому множество! Ты и представить себе не можешь, какая ненависть по отношению к тебе жила во мне! Ты дерьмовый человек! И это еще мало сказано!

Вдоволь накричавшись, делаю глубокий вдох. А когда кислород достигает мозга, я наконец могу оценить масштаб проблемы.

Сама того не ожидала, что позволю себе вывалить на Влада весь негатив, годами копившийся во мне, но парадоксальным образом мне нисколько не стыдно.

Напротив, я кайфую от чувства освобождения.

Его челюсть плотно сведена, ноздри трепещут, а в глазах растет буйство ярости, окрашивая радужку зловещей чернотой.

Ему ничего не стоит приструнить меня. Сделать из рабочей кобылки трепетную лань. Он может сослаться на контракт и внести в него корректировки.

Тем не менее Влад всего-навсего молча сверлит меня взглядом. Пытливо, словно ждет, когда я поддамся ему. Я тоже следую его примеру. Стою напротив и держу его на незримом поводке, мысленно обвиваю им его шею и сдавливаю туго. Мы играем в убийственные гляделки до тех пор, пока под моим натиском Влад не отводит глаза в сторону.

– Что ж. Ладно, – говорит он как ни в чем не бывало. – Попрактиковаться в скандалах нам тоже надо было поучиться для большей правдоподобности.

Он лениво вынимает из кармана штанов телефон, снимает его с блокировки и передает мне, словно тем самым делает одолжение.

Заставка – сразу мимо. Фотки – ничего стоящего.

Как раз в этот момент ощущаю вибрацию, а на экране всплывает сообщение на английском от абонента по имени Бобби: *"Делай как знаешь, только не влюбись в нее" и три смеющихся смайлика.*

Вот как? Ах ты, сукин сын! Уже разболтал кому-то обо мне? И им теперь смешно?

Это мне должно быть смешно со всей этой ситуации, но меня в отличие от него останавливает дебильный пункт о неразглашении.

Я тотчас возвращаю Владу смартфон, кое-как притушив

в себе горящее желание вмазать ему профилактическую пощечину.

– Я скину тебе парочку фоток Алисы, поставь какую-нибудь из них на заставку, – авторитетно даю распоряжение, и, чтоб вконец уничтожить его идею, добавлю: – А еще твой дом слишком идеальный.

– В смысле?

– В прямом. В нем нет изъянов, а должны быть. Да невооруженным взглядом видно, что, если ты и приводил сюда девушек, то строго по определенному назначению. Тут нет следов женщины, не говоря уже о ребенке.

– Ты в этом так уверена? – косо он ухмыляется, нагоняя на себя пуха с тону.

Влад приближается ко мне еще на один шаг, чем выбивает воздух из легких.

– В чем конкретно?

Он снова сокращает между нами дистанцию. Практически вплитирку становится, заставляя меня вскинуть голову и почувствовать дискомфорт в области солнечного сплетения.

– В том, что, как ты выразилась, я приводил в свой дом девушек строго по назначению.

Рот кривлю и киваю неуверенно. Красный "трофей", найденный в его спальне, до сих пор мельтешит у меня перед глазами.

Мне хватает ума понять, что девушка, носящее это белье, была мимолетным явлением. Таких явлений у него,

должно быть, было в избытке.

– Это же как дважды два! А знаешь, как я это определила? Он наклоняется к моему лицу и дышит на меня мятой.

– Удиви меня, – его шепот оставляет раскаленные следы на моем лице.

В глотке горький ком растет. Тело покрывается ледяной пленкой. Меня враз поглощает парализующая кома.

Я словно попала в зыбучие пески. Шелохнуться не могу.

В напряженной тишине сердцебиение шумит в ушах и отчаянно долбит в ребра, заглушая тиканье настенных часов и звуки телевизора.

Плечами передергиваю, сбрасываю с себя навязчивый морок.

В итоге я делаю усилие над собой и отхожу от него. Пячусь, не спуская его из виду.

– По твоей девственной кухне и утвари. Такие идеальные поверхности я видела только на прилавках выставочных центров. На плите же никто и никогда не готовил, а на разделочной доске нет ни единого повреждения!

– Поражаюсь, как с такими дедуктивными способностями ты до сих пор работаешь на меня, а не протираешь штаны в каком-нибудь следственном отделе, – проговаривает с издевкой.

Я стою как оглушенная, вглядываясь в его лицо с налетом высокомерия. Накатывает приступ удушья...

Разочарование. Оно вновь захлестывает. Пока оно не за-

топило меня изнутри, я сбегая от него, а следом слышу, как что-то железное грохается на пол и все это сопровождается глухим рычанием Влада.

– Юль, ну куда ты? Ну, извини меня, я не хотел тебя обидеть, – стенает он очень даже правдоподобно, что раздражает куда больше, поскольку я боюсь купиться на это. Ладонями накрываю уши, но его голос все равно врывается в сознание: – Я понимаю, у тебя сложилось обо мне мнение, но, поверь, все это лишь ошибочное суждение. На самом деле все не так, как ты думаешь!

– Оставь меня, прошу... Я не настроена сейчас на философские беседы, – молю я в ответ.

Хватит с меня!

Пока я еще могу взять ситуацию под контроль и пока мне не нужно изображать из себя ту, кем я не являюсь, то постараюсь свести наше общение к минимуму. Влад странно влияет на меня. Складывается ощущение, будто я распадаюсь на части. Как бы по завершению мне не пришлось собирать себя по кусочкам.

Я решительно направляюсь в кухню, где намереваюсь побыстрому сварганить ужин из имеющихся продуктов, а заодно укрыться от источаемой токсичности Влада.

По-хозяйски я распахиваю дверцу холодильника и едва ли не вырываю ее с корнями. Омрачившись скудному выбору, я выгружаю три последних яйца с овощами. Кладу томаты и перчик в раковину, споласкиваю. Я выдвигаю все ящики в

поисках ножа, и в результате нахожу его в потайном блоке.

Поворачиваюсь к разделочному столу и замираю на секунду, поскольку присутствие Влада сбивает меня с толку. Оказывается, он проигнорировал мои мольбы. Все это время он находился в двух метрах от меня.

Поразительно, как быстро равнодушие может трансформироваться в лютую ненависть.

Влад не обращает внимания на мои жалкие потуги сохранить спокойствие, когда я слишком экспрессивно взбиваю венчиком яйца. Я так увлекаюсь, что яичная смесь фейерверком разлетается по периметру кухни.

Он наваливается грудью на кухонный островок, с нескрываемым азартом отслеживает каждое мое движение и, похоже, не собирается никуда уходить.

Это знатно действует на нервы.

– Поговорим сейчас или мне лучше дождаться, когда у тебя в руках не будет холодного оружия?

Ставлю миску на стол, бросаю венчик в раковину. На сей раз я воинственно хватаюсь за нож. Картинно взмахиваю им и разрубаю острым лезвием томат ровно посередине.

– Это сойдет за ответ? – бросаю ему вызов.

Влад вдруг расплывается в улыбке.

– Вполне. Продолжай, у тебя отлично получается расположить к себе собеседника.

– Тогда говори, если не боишься случайно попасть под руку.

– Давай обмозгуем мелочи вроде того, где мы познакомились.

– На утренней пробежке, – отвечаю я, даже не раздумывая, ведь именно на пробежке он и подстерег меня, а потом все так закрутилось до двух полосок на тесте.

– Почему именно на пробежке, а не на выставке кухонной мебели, например? – со скучающей миной задается вопросом.

Сжав до боли нож в ладони, я застываю на месте.

Смотрю на Влада в упор и ощущаю, как у меня дергаются оба глаза.

Испытывает меня или издевается?

– Потому что мы познакомились на пробежке в парке, а не на выставке. Логично?

Уйдя в раздумья, Влад крадет со стола дольку помидора и отправляет себе в рот. И как же мне хотелось шлепнуть его по загребушим рукам. Что-что, а эта привычка осталась неизменной.

– Не думаю, что отец поверит в сказку про пробежку по утрам, – проглотив еще одну дольку, он облизывает пальцы и плечами жмет. – В те времена мое утро начиналось в лучшем случае в обед, но пускай будет по-твоему.

– Что значит, пускай будет по-моему? Влад, что с тобой? Неужели ты...

Внезапная трель его телефона прерывает нашу беседу, переросшую в бред сумасшедшего. Влад достает телефон из

кармана, миленько улыбается экрану, а затем в спешке ретируется, отвечая на звонок на американский манер.

Наверное, тот самый Бобби позвонил, чтобы в очередной раз промыть мне косточки и посмеяться надо мной...

Я не узнаю Влада.

По правде говоря, я не узнавала его еще задолго до этой ситуации, в которую он втянул меня. Но сейчас, когда, стало быть, мы нашли точки соприкосновения, ничего не меняется. Напротив, все только усугубилось, а количество вопросов значительно возросло. Один из них мучает меня больше всего: а тот ли это Влад, которого я когда-то впустила глубоко в свое сердце?

Я уже ни в чем не уверена.

Если раньше мне казалось, что он изменился до неузнаваемости, нарочно блокируя все воспоминания обо мне и моей беременности, то теперь я начинаю сомневаться в себе.

А не выдумала ли я его?

Каким бы черствым и бессердечным человек ни был, он не стал бы добровольно лезть в те же сети, откуда смог выпутаться. Не стал бы преднамеренно сближаться с той, от кого отказался. А, видя в моей дочери схожие с ним черты, не смог бы устоять, чтобы не поинтересоваться о том, куда я потратила те деньги, что он перечислил мне на аборт. Не смог бы, пускай даже если для него это просто дурацкий спектакль.

Мой Влад, которого я знала, точно не смог бы, несмотря

на его выбор, который оказался не в мою пользу...

А что за человек так хладнокровно пользуется нашим доверием, втаптывая его в грязь, я понятия не имею.

Не знаю стоит ли вообще ему доверять...

Решено.

Поутру, когда у нас еще будет время до прибытия гостей, я постараюсь вывести Влада на чистую воду.

Если потребуется, то нарушу обет молчания, но дорвусь до настоящей причины, по которой он бросил нас. Я узнаю, невзирая на боль, которую он может мне причинить, потому что больнее, чем он сделал мне шесть лет назад, он уже сделать не сможет.

8. Среди ночи...

Ужинаем мы с Владом по отдельности: он на кухне, мы с дочкой подальше от него – в гостиной, после чего к нам приезжает целый грузовик с вещами из съемной квартиры.

Этого добра должно вполне хватить для того, чтобы искусственно создать семейную атмосферу.

Если убрать за скобки некоторые нюансы вроде холодильника, в котороммышь повесилась, и отсутствие принадлежностей для ванны, можно подумать, что в этом доме действительно проживает ни в чем не нуждающаяся семья.

Далее я осуществляю еще парочку заказов, оформляю "родительскую" спальню и ванную комнату, раскладываю привезенные продукты в холодильник.

В общем верчусь как бешеная белка в колесе, а Влад тем временем оформляет доставку и сборку детской мебели. Мужчины в рабочих комбинезонах устанавливают ее в свободной комнате, которую Влад выделил "нашей" дочери в качестве детской на момент приезда новоиспеченного дедушки.

Счастью Алисы нет конца и края. В ее больших ореховых глазах, обрамленных длинными темными ресницами, застыли восторг и признательность по отношению к папаше. Особенно если учесть, что эту дороговую мебель мы вправе забрать в свою новую квартиру, щедро преподнесенную Вла-

дом... пока что только на бумаге.

Вся эта суматоха стихает ближе к полуночи. Алиска уже сладко сопит, звездочкой распластавшись на кровати.

Я принимаю душ, переодеваюсь в застиранную и уже давно выцветшую пижаму, развешиваю наши вещи в гардеробной, а затем отправляюсь в детскую с проверкой.

Там я из последних сил навожу финальные штрихи. Сооружаю уголок, куда распределяю все игрушки Лисички. Развешиваю ее рисунки на стенах и расставляю рамочки с фотографиями, заблаговременно отредактированные Владом в фотошопе.

А он хорошо над ними потрудился. Качественно, что и не скажешь, что это подделка. Имитация, как и все в этом доме.

Взяв с полочки одну такую фотографию, я на миг теряю связь с реальностью. Мысли переносит меня куда-то в параллельную вселенную.

А куда же еще?

Ведь только в параллельном измерении у нас могло быть совместное будущее. Прекрасное будущее. Одно на троих.

Я неосознанно провожу подушечкой пальца по изображению Влада, с трепетом смотрящего на меня. Ощущаю электрический импульс, проходящий сквозь тело, как при прыжке в неизвестность. Тягучий сгусток энергии движется по моим венам и концентрируется в области грудной клетки, разнося по телу тепло и приводя меня к гармонии. Но постепенно его улыбочивое лицо становится нечетким и мутным,

словно оно мистическим образом испаряется со снимка, потому что на самом деле на нем его быть не должно. И только позже я осознаю, что картинка просто расплывается из-за скапливающихся в уголках глаз слез.

Дикость какая...

Ну уж нет. Он недостоин этого. Ни одна слезинка не прольется из моих глаз из-за этого негодяя.

Утираю влагу с нижних век, ставлю фотографию на полочку и выключаю в комнате свет. На мысках иду по темному коридору, надеясь, что по дороге не встречу с Владом.

Он уже давненько не попадался мне на глаза. С тех самых пор как привезли доставку.

Оно и к лучшему. Мне необходимо набраться сил и попытаться восстановиться эмоционально, иначе весь план полетит к чертям собачьим.

Войдя в спальню, я на полусогнутых добираюсь до кровати. За целый день вымоталась так, что готова уснуть прямо на ходу.

Поцеловав свое сокровище в сладкую щечку, я тушу свет и устраиваюсь рядышком с ней.

Стоит мне положить голову на подушку, как я моментально впадаю в состояние невесомости. Меня уносит в ту самую параллельную вселенную, где время течет медленней, мечты осуществляются, а незыблемое счастье представляет собой что-то обыденное и приземленное, но сон длится недолго. Посторонний шорох в комнате заставляет меня распро-

щаться с умиротворяющим воздействием и проснуться. Затаив дыхание, я ощущаю как матрас прогибается под чужим весом, а потом в тишине слышу как постельное белье шелестит и кто-то посапывает, находясь на противоположном краю кровати.

Резко продираю слипшиеся глаза. В растерянности шарю рукой рядом с собой.

Нет, это точно не Алиса устроила возню среди ночи. Она по-прежнему спит беспробудным сном. Но вот за ней я замечаю темную фигуру, контрастирующую на фоне белоснежного одеяла. А еще чья-то грудь плавно поднимается и опадает.

Сначала не на шутку пугаюсь, но узнаваемый аромат парфюма, заполнивший комнату, не дает панике обрести силу.

– Ты что тут делаешь? – сиплю я чуть слышно, вскакивая в сидячее положение.

На противоположном краю кровати вздрагивают так, что каркас ходуном начинает ходить.

– Твою-то мать! – Влад переходит на ультразвук, шумит почем зря, схватившись на сердце, словно сейчас помрет. – Я чуть того.. это, ты же...

Не даю ему договорить.

Я резко переваливаюсь на его сторону, стараясь при этом не задеть мирно спящую Алису между нами, и со всего размаха припечатываю свою ладонь к его рту. Смачный шлепок по губам эхом разносится по периметру, после чего в доме

воцаряется тишина и покой.

Дочь двигает ручкой, носик потирает, но, слава богу, не просыпается от визгов своего папаши-идиота.

– Делаешь тут что? – повторяю строже, а он лежит солдатиком и мычит мне в руку, которую я в итоге убираю.

– Да ничего. Не пойми меня неправильно, я забыл. По привычке зашел к себе, – говорит он виновато, дышит часто и глубоко, будто стометровку на время пробежал.

– К нам, – поправляю его.

– К вам, – соглашается тихо, но встать с кровати и свинтить в свою новую комнату не очень-то и торопится.

Проходит минута, вторая, третья. На том краю больше звуков не подают и не двигаются.

– Ну так и что?

– Что?

– Уходить к себе собираешься?

Влад раскидывает свои конечности в разные стороны, сонно зевает и потягивается, похрустывая суставами. Одежлом накрывает себя, поудобней устраивается и заводит одну руку за голову, что может означать только одно.

– Знаешь, что-то нет желания. Останусь здесь, – подтверждает мои догадки, чем удивляет меня.

– Практиковаться, значит, будем?

– Спать вместе? – игриво спрашивает, на что я киваю, несмотря на темень вокруг. Вряд ли Влад видит меня лучше, чем я его, но мне почему-то кажется, что в данную секунду

он улыбается. Как-то по-доброму, что ли. Я узнаю этот притягательный голос, когда он расплывается в улыбке от уха до уха. – Ну а почему бы и нет? Или ты против такой компании?

Молча переживаю внезапную активность нейронов в мозге. Какая дикая муха его укусила?

Жду, пока Алиса перестанет ворочаться туда-сюда. Она переворачивается на другой бок, прильнув к Владу и забросив на него одну ножку. Такой финт дочери парализует Владу до состояния одеревенелости. Некоторое время дочурка еще скрипит зубами, кряхтит, а затем впадает в глубокий сон.

Эта привычка досталась ей от папаши. Тот тоже когда-то любил поскрежетать своей челюстью во сне. Поначалу меня это дико настораживало, но со временем я свыклась с этими устрашающими звуками.

– Ты была не права, – продолжает Влад полусшепотом, нарушив тишину.

– В чем?

– В том, что я привожу сюда девушек.

– Хочешь сказать, что это не так? – тут же вспоминаю я эту жуткую красную находку и снова злость охватывает меня.

– Но ты была права в другом. В этом доме никто и никогда не готовил. Мало того, тут никто и никогда не жил до вчерашнего дня.

– А трусы с функцией проветривания тогда откуда взялись? – вырывается из меня по-хамски, кулаки на рефлекс

сжимаются.

Влад накрывает свой рот ладонью, подавляя грудные смешки. Высмеивает меня и мою разгулявшуюся фантазию.

Я чувствую как он смотрит на меня пристально. Благо мои вспыхнувшие щеки не видны в темноте.

– Их мне вчера доставили курьером. Пока размышлял от кого они могут быть, я уснул, а наутро забыл об их существовании. Юль, я действительно ночью здесь во второй раз. Так что не делай из меня хрен пойми кого, – произносит он предельно искренне, что сложно не поверить.

Этим объясняется и пустующий холодильник, и неукomплектованная ванная комната, но червячок сомнений все равно шевелится внутри меня и глодает по кусочкам. Я разучилась доверять Владу.

– А где же ты жил, если утверждаешь, что не здесь?

– На Авдеева, – говорит он неоспоримо, словно я сама должна была догадаться. – Я думал, ты примешь от меня помощь, поэтому освободил свою квартиру как можно скорее, а потом поехал сюда. Вообще-то я не планировал вселяться в этот дом в ближайшее время, но, как видишь, обстоятельства изменились. Может, это и к лучшему, – он тяжело вздыхает, развернувшись набок.

А мне вдруг становится стыдно по причине того, что не приняла его помощь. С его стороны это было великодушно. Наверное, это был самый благородный поступок за все то время, что я проработала на него.

– Мне никогда не нравился этот дом. Понятия не имею на кой черт я его построил. Здесь даже стены наводили на меня тоску. Собственное эхо бесило страшно.

Влад берет паузу и заботливо поправляет одеяло, съехавшее с Алисы. Я слышу как он вбирает ноздрями воздух. Ему тоже нравится как сладко пахнет наша дочь?

– А с вами все заиграло новыми красками, – продолжает он уверенно, заставляя мое тело обмякнуть от играющего по нервам удовольствия. – Дом существенно преобразился, наполнился новыми звуками. Не знаю как объяснить, чтобы ты меня правильно поняла, потому что я пока сам разобраться в своих ощущениях не могу. Но то, что здесь стало уютней – факт. Словно это подарок судьбы, словно так и должно было быть.

С замиранием сердца я слушала Влада. Ловила каждое слово и интонацию, и боялась упустить что-то важное, стоящее.

А теперь мне требуется время, чтобы попытаться переварить все. Отыскать в этих фразах какой-то скрытый смысл. Возможно, Влад, сам того не зная, вложил в них какой-то посыл, но мой мозг сейчас отказывается воспринимать эти слова. В них что-то не вяжется. Нет никакой логики.

Почему же тогда Влад не вспоминал обо мне? Почему ни разу не осмелился заговорить со мной о беременности? Почему игнорировал меня столько лет, раз считает наше пребывание здесь подарком судьбы? Столько много разных "по-

чему" скопилось в моей голове, что мне и часу не хватит все их озвучить.

– Юль, а сколько Алисе лет? – спрашивает он после длительного молчания.

– Пять лет и три месяца, – отвечаю скрипуче, слезы в горле мешают мне говорить.

Влад фырчит, прикидывая что-то в уме.

– Выходит, ее зачатие пришлось на лето две тысячи пятнадцатого?

– Так и есть, – с надеждой в голосе произношу.

Неужели до него дошло?

– Не пойдет, – качает он головой. – Если отец спросит, нужно ответить, что ей максимум четыре года и девять месяцев, – огорошивает он меня.

– Почему это?

– Потому что с начала лета меня не было в стране. Я вернулся только полгода спустя. Тебе также нужно знать, что я около года находился на реабилитации. Поэтому мы не могли познакомиться с тобой на пробежке. Я тогда еле ходил, а уж чтоб бегать – это прям на грани фантастики, – горько он усмехается. – Так что давай-ка лучше скажем, что мы познакомились в торговом центре? Хорошо?

– Подожди, – сдавленно говорю, едва соображая. – Какая, к черту, реабилитация?

– Летом две тысячи пятнадцатого со мной произошел несчастный случай. Не знаю, как я выкарабкался вообще,

мне повезло, – отвечает с полным равнодушием, окончательно запутывая мои мысли в клубок.

Бах!

По темечку словно что-то лязгнуло. Страшная боль насквозь пронзила голову.

Шок...

Я настолько потрясена и ошарашена, что не могу ни слова вымолвить. От ужаса мурашки по телу ползут и холодом кожу издирает. Пульс долбит в висках, болезненно отдавая в затылок, и кожа покрывается липким слоем ледяного пота. Мне требуется глоток воздуха, но вздохнуть не получается, как ни старайся – легкие будто сковало в тиски чем-то необъяснимым, отчего сознание мутится.

Внутреннее чутье подсказывает мне, что с Владом произошло что-то страшное, то, что могло перечеркнуть не только его жизнь, но и мою.

Но почему я не верю в подобный поворот событий?

– Ч-что тогда произошло? – осмеливаюсь задать я вопрос в надежде, что он внесет хоть какую-нибудь ясность на произошедшее.

Мне это нужно. Это и будет для меня глотком свежего воздуха. Возможно, он станет самым глубоким и насыщенным глотком за последние шесть лет.

Но ответом мне служит молчание и равномерное дыхание Влада. Пока я отходила от эмоционального шока, он уже успел заснуть.

9. Оглушающий "поцелуй"

Влад

Снился такой приятный сон. Красочный, насыщенный на эмоции, что бывает в крайне редких случаях.

Кажется, уже и забыл, когда спал сном младенца. Не помню, когда в последний раз ощущал легкость при погружении и бодростью при пробуждении. Обычно мне являются во снах пустота, мрак непроглядный и неизменное одиночество. Как будто не только сознание, но и всего целиком заточили в вакуум, где я безрезультатно и непонятно для каких целей ищу выход, утерянные воспоминания.

На последней диагностике невролог утверждал, что поводов для беспокойств нет. Мой психолог с ним солидарна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.